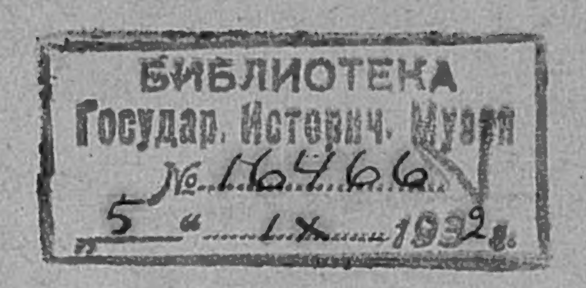
Пропагандисты 70-хъ годовъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
...аніе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул. д. № 40.
1907

I.

Къ характеристикѣ движенія. — Его идейные вожди. — Бакунинская школа. — С. Синегубъ. — Рѣшеніе спасти отъ семейнаго произвола дочь священника. — Путешествіе по Россіи. — Бунтъ въ Екатеринбургской гимназіи. — Сборы жениха. — Первое знакомство съ невѣстой. — Сватовство и свадьба. — Пріѣздъ въ Петербургъ. — Губинъ-Уголъ. — Обыскъ и арестъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Россіи произошло явленіе, рѣдко наблюдавшееся въ исторіи человѣчества. Сотни, даже тысячи интеллигентной молодежи, по преимуществу воспитанники учебныхъ заведеній, вдругъ стали бросать ученье, семью, матеріальную обезпеченность, общественное положеніе и двинулись въ народъ проповѣдывать ему какое-то новое ученіе.

Какое, именно?..

Вотъ въ этомъ и заключается вся бѣда, что формулировать ученіе новыхъ апостоловъ нѣтъ никакой возможности. Конечно, всѣ они были послѣдователи соціализма, вѣрили, что всѣ люди равны, что вся земля должна стать достояніемъ трудящихся, но не въ распространеніи этихъ идей заключалась сущность ихъ ученія. Объ этихъ предметахъ говорилось вскользь, между прочимъ, какъ о вещахъ, извѣстныхъ каждому ребенку, не то, что взрослому крестьянину. Новые пророки проповѣдывали нѣчто другое: они говорили, что современный строй обветшалъ, и

пришла пора разрушить его до основанія, воздвигнувъ на его развалинахъ нѣчто совершенно новое, лучшее. Но что же, именно? Объ этомъ опять у пророковъ не было точнаго представленія. Надо разрушить все до основанія, а тамъ видно будетъ.

Частью, благодаря чувству самосохраненія, говорившему, что подобныя ученія небезопасно проповѣдывать на улицахъ и базарахъ, частью потому, что аудиторія оказывалась мало или совсѣмъ не подготовленною къ воспріятію новыхъ идей, пропагандисты въ громадномъ большинствѣ случаевъ только искали людей, способныхъ понять и воспріять ихъ ученіе, присматривались и изучали сами, вмѣсто того, чтобы указывать и поучать. Они бродили по лицу земли русской, заводили знакомства, изучали нравы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для подготовки революціонеровъ они, прежде всего, учили дѣтей грамотѣ, преподавали имъ ариѳметику и географію, и такъ-таки имъ не пришлось никогда дойти даже до азбуки революціонной науки.

Откуда почерпнули свои идеи сами учителя и пророки новой вѣры?

Бакунинъ, Лавровъ, Ткачевъ, Чернышевскій— вотъ главные учителя пропагандистовъ. У нихъ они заимствовали весь свой умственный багажъ, дополняя его чтеніемъ различныхъ брошюръ мѣстнаго и заграничнаго производства. Главнымъ учителемъ и вождемъ молодежи былъ все-таки Бакунинъ. У него она заимствовала его формулу федерализма, по которой задача соціально-революціонной партіи состояла въ разрушеніи всѣхъ государствъ, уничтоженіи всякаго государственнаго строя и буржуазной цивилизаціи и созданіи новаго строя путемъ вольной федераціи снизу вверхъ независимыхъ производительныхъ общинъ. У Бакунина же они заимствовали мысль

о необходимости поголовнаго возстанія русскаго народа и о необходимости «итти въ народъ», организовать его для революціи и внушать ему революціонныя идеи съ цѣлью вызвать возстаніе.

И Лавровъ проповѣдывалъ необходимость пропаганды революціонныхъ идей, хотя училъ, что возстанію должно предшествовать сознаніе народомъ своихъ потребностей, разъясненіе которыхъ и составляетъ прямую задачу пропагандиста. Поэтому онъ требовалъ отъ молодежи извѣстной научной подготовки, хотя, впрочемъ, не настаивалъ на ней и фактически склонялся самъ къ программѣ Бакунина и благословлялъ на нее своихъ почитателей. Еще въ большей степени проповѣдывалъ «борьбу съ правительствомъ, борьбу съ установившимся порядкомъ вещей, борьбу до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія» Ткачевъ, яростно полемизировавшій съ Лавровымъ по поводу рекомендуемой послѣднимъ предварительной подготовки революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе и Ткачевъ не былъ вождемъ молодежи, такъ какъ онъ былъ хранителемъ традицій Нечаева, онъ стоялъ за прочную организацію революціонныхъ силъ, за подчиненіе ихъ одному общему руководителю, за централизацію и дисциплину. Это не нравилось молодежи, находившей, что никакіе генералы не нужны, что всякій пропагандистъ долженъ дѣйствовать самостоятельно, руководствуясь лишь собственными взглядами и воззрѣніями. Объ единствѣ дѣйствій и цѣли они не заботились нисколько.

На міровоззрѣніе анархистовъ имѣла также громадное вліяніе записка кн. Кропоткина: «Должны-ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?»

Въ виду такого характера пропагандистскаго движенія 70-хъ годовъ крайне трудно дать его

общую характеристику. Это не была дѣятельность одной или нѣсколькихъ армій, двинувшихся въ походъ противъ общаго врага и дѣйствовавшихъ по опредѣленному плану. Нѣтъ, это дѣятельность отдѣльныхъ волонтеровъ, стремившихся къ общей цѣли, каждый порознь, каждый своими путями. Первый опытъ общей характеристики движенія 70-хъ годовъ представляетъ извѣстная записка министра юстиціи графа Палепа, смотрѣвшаго на пропагандистовъ, какъ на участниковъ одного общаго заговора, преступнаго сообщества, охватившаго всю Россію и имѣвшаго чуть-ли не свои отдѣленія во всѣхъ главныхъ городахъ. Ту же ошибку повторилъ и судъ, собравшій воедино всѣхъ пропагандистовъ, попавшихъ въ его руки, создавъ процессъ «193-хъ». Ту же ошибку повторяютъ и многіе писатели лѣваго лагеря, преувеличивающіе значеніе связей между отдѣльными пропагандистами, значеніе кружковъ и отдѣльныхъ организацій, и недостаточно отмѣтившіе индивидуалистическій характеръ движенія.

Пропагандисты двинулись «въ народъ» изъ главнаго центра, Петербурга, но на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности убѣдились, что не только въ университетскихъ городахъ, но и во всѣхъ болѣе крупныхъ центрахъ существуетъ молодежь, настроенная не менѣе революціонно, стремящаяся къ той же цѣли, при помощи тѣхъ же средствъ, что и они. Историки стараются уловить связь между появленіемъ пропагандистовъ въ Петербургѣ и провинціи, отмѣчаютъ значеніе отдѣльныхъ организаторовъ. Напрасный трудъ. Детальное изученіе первоисточниковъ заставляетъ насъ принять здѣсь своего рода идейное самозарожденіе. Молодежь извѣстнаго склада мыслей двинулась «въ народъ» въ различныхъ пунктахъ Россіи одновременно.

Начинаемъ наше повѣствованіе съ исторіи членовъ петербургскихъ кружковъ.

Сынъ помѣщика Екатеринославской губерніи, Сергѣй Силовичъ Синегубъ принадлежитъ къ числу «чайковцевъ», такъ сказать, второго призыва, то-есть къ лицамъ, примкнувшимъ къ кружку Чайковскаго въ концѣ 1870 г. Онъ принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ пропагандистовъ и съ 1871 г. вплоть до своего ареста, послѣдовавшаго въ концѣ 1873 г., занимался постоянно рабочими, читая имъ всякаго рода лекціи, начиная отъ ариѳметики и географіи и кончая теоріей федерализма. Вмѣстѣ съ Чарушинымъ, Леонидомъ Поповымъ, Надеждою Купреяновой и Маріей Напрской они жили на общей квартирѣ, такъ называемой «коммуной».

«Однажды, въ февралѣ или мартѣ 1871 г.— разсказываетъ Синегубъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — выпалъ такой вечеръ, что всѣ мы, кромѣ Чарушина, были дома и, собравшись въ моей комнатѣ, читали «Исторію одного города» Щедрина. Читалъ я, публика хохотала до изнеможенія, но пришелъ Чарушинъ, человѣкъ «рыжій-красный», въ синихъ очкахъ, сквозь которыя или сверхъ которыхъ смотрѣли голубые конспираторскіе глаза, юноша съ крупнымъ, выдающимся, умнымъ лбомъ, высокій, худой и стройный, и нарушилъ наше даже чрезмѣрно веселое настроеніе.

«Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, о томъ. что имъ получено письмо изъ Вятки отъ его знакомой, нѣкоей Кувшинской, которая, будучи классной дамой въ епархіальномъ духовномъ училищѣ и пользуясь величайшею любовью воспитанницъ старшихъ классовъ, кой-кого изъ нихъ просвѣтила насчетъ народа и служенія ему. Нѣкоторыя изъ нихъ, по выходѣ изъ училища, попытались устроить свою жизнь сообразно

своимъ убѣжденіямъ, но наткнулись на жестокій семейный деспотизмъ. Такъ, одна изъ нихъ, Соня Ч—ва, дочь сельскаго священника, попала дома въ такіе тиски отцовскаго деспотизма, что рѣшилась бѣжать изъ дому, но была поймана отцомъ на 80-й верстѣ отъ дому и водворена вновь подъ кровъ отчій. Къ ней приставили шпіоновъ изъ дѣтей и прислуги, лишили переписки съ кѣмъ бы то ни было. Приходившія на ея имя письма перехватывали, и почти всѣ книги были отъ нея отобраны, кромѣ тѣхъ, которыя Соня ухитрилась какъ-то спрятать тайкомъ на чердакѣ дома. Ни съ кѣмъ, кромѣ дочери мѣстнаго діакона, имѣть сношеній ей не дозволялось.

«Ко всѣму этому, отецъ и мать порѣшили во что бы то ни стало выдать ее замужъ за мѣстнаго судью, которому Соня приглянулась. И бѣдная дѣвушка черезъ сочувствующую ей втайнѣ дочку діакона послала отчаянное письмо своей бывшей классной дамѣ, Кувшинская, моля о спасеніи и угрожая покончить съ собою, если къ концу года она не устроитъ ей хотя бы фиктивнаго брака. Жить такъ, какъ хотятъ, чтобы она жила, ея отецъ, мать и родные, она не можетъ и предпочитаетъ лучше лечь въ могилу.

«Кувшинская въ своемъ пусьмѣ Чарушину и писала объ этой отчаянной мольбѣ Сони, прося его подумать и съ помощью кружка выручить изъ бѣды «дѣвушку, человѣка, вполнѣ годнаго къ дѣлу».

Итакъ, требовалось найти человѣка, который согласился бы вступить съ неизвѣстной ему дѣвушкой въ «фиктивный бракъ», то есть повѣнчаться и разъѣхаться немедленно, давъ женѣ отдѣльный видъ на жительство. Подобный институтъ знало, очевидно, давно обычное право «семидесятниковъ», но, къ сожалѣнію, Синегубъ не упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, кому,

собственно, принадлежитъ честь изобрѣтенія, но, очевидно, подобные браки существовали и раньше, разъ о нихъ знала даже такая обитательница вятскаго захолустья, какъ Соня Ч.

Такъ какъ «чайковцы» включали въ число своихъ задачъ освобожденіе людей отъ ссылки, тюрьмы и домашняго гнета, то Синегубъ, не долго думая, объявилъ, что онъ охотно женится на Сонѣ, что очень обрадовало Чарушина, не ожидавшаго, что ему удастся выполнить порученіе столь быстро.

Синегубъ вскорѣ и позабылъ о своемъ обѣщаніи, не получая никакихъ извѣстій изъ Вятки. Пришло лѣто, каникулы, онъ поѣхалъ къ брату, жившемя въ Печатниковѣ, подъ Москвою, но пожилъ тамъ не долго, такъ какъ братъ спѣшилъ въ Екатеринославъ... устраивать побѣгъ изъ семьи какой-то дѣвушки. Затѣмъ, онъ поѣхалъ къ родителямъ въ деревню, а оттуда направился на югъ черезъ Бердянскъ и Таганрогъ въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ, по условію, долженъ былъ встрѣтиться съ братомъ и вмѣстѣ совершить путешествіе по землѣ Войска Донского, поразвѣдать, живы-ли среди казачества преданія о старыхъ вольностяхъ, о казацкихъ кругахъ, о Стенькѣ-Разинѣ и т. д. Братъ пріѣхалъ въ Ростовъ, но въ Екатеринославѣ его постигла неудача. Дѣвушка, за которой онъ ѣздилъ, успѣла влюбиться по уши, готовилась къ браку съ возлюбленнымъ и слушать не хотѣла про побѣгъ. При этомъ Синегубъ-старшій получилъ письмо изъ Москвы съ предложеніемъ занять мѣсто въ какомъ-то земельномъ банкѣ, а потому имъ пришлось отказаться отъ поѣздки на Донъ.

Возвратившись въ Москву, Синегубъ, по порученію своего кружка, ѣздилъ въ Екатеринбургъ поразвѣдать, «нельзя-ли утилизировать въ революціонномъ смыслѣ движеніе въ тамошней

гимназіи» (тамъ побили директора). Такъ какъ раньше его туда подоспѣли жандармы и стали слѣдить за исключенными гимназистами, то Синегубъ счелъ нужнымъ отложить свою миссію до болѣе благопріятнаго случая и поселился на Невьянскомъ заводѣ, организовалъ тамъ кружокъ, въ которомъ читались всякаго рода книги, легальныя и нелегальныя, имѣлъ столкновеніе съ полиціей и, возвращаясь въ Петербургъ, увезъ изъ Екатеринбурга, правда, не дѣвицу, но гимназиста, изгнаннаго изъ 6-го класса, Андреева, желавшаго продолжать образованіе въ Петербургѣ, чему противился сильно его отецъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Синегубъ занялся пропагандою среди ткачей на Выборгской сторонѣ, жилъ съ ними, не разъ ночевалъ въ артеляхъ, проводилъ тамъ праздники съ утра до ночи, какъ вдругъ явился къ нему тотъ же Чарушинъ и объявилъ: «А я васъ разыскиваю по важному дѣлу».

Оказалось, что Кувшинская, которая въ августѣ мѣсяцѣ того года переѣхала изъ Вятки въ Петербургъ и поступила на медицинскіе курсы, получила отъ Сони Ч. новое письмо съ настоятельной просьбой прислать обѣщаннаго жениха для фиктивнаго брака, такъ какъ семейный режимъ становится все невыносимѣе. Синегубъ, конечно, и не думалъ отказываться отъ даннаго слова. Начались сборы жениха въ путь.

Было добыто все, что нужно для жениха. У Рязанцевой Синегубъ захватилъ на всякій случай хорошенькіе золотые дамскіе часы съ цѣпочкой, якобы для подарка невѣстѣ, была куплена фата, искусственные цвѣты для нея, и Синегубъ двинулся въ путь. Кувшинская лишь въ день отъѣзда вручила ему карточку Сонечки съ поясненіемъ, что она мало похожа и что въ дѣйствительности его невѣста много красивѣе.

Въ концѣ ноября 1872 года Синегубъ привезъ свою фиктивную жену въ Петербургъ и помѣстилъ ее въ женскую коммуну, въ Басковомъ переулкѣ. Нѣкоторое время, какъ въ своемъ кружкѣ, такъ и среди знакомой и незнакомой публики онъ былъ героемъ дня. Синегубъ, поселившись въ городѣ, погрузился весь въ общественную работу. Онъ убѣдилъ женскую коммуну переѣхать на Выборгскую сторону, въ домъ Байкова, и каждой изъ поселившихся тамъ женщинъ предложилъ по 3—5 учениковъ изъ артелей Шабунина и Абакумова. Домъ Байкова былъ большое зданіе, раздѣленное парадными сѣнями на двѣ половины. Въ одной, состоявшей изъ 2-хъ большихъ комнатъ съ передней, поселились: Стаховскій, Жуковъ, Шамаринъ, Красовскій и Леонидъ Поповъ, въ другой, состоявшей изъ 7 комнатъ, помѣстились женщины: Кувшинская, Кочурова, Рязанцева, Охременко, Купреянова и Ларисса.

Въ комнатѣ происходили занятія школьнаго характера: обученіе чтенію, письму, счету, сообщались свѣдѣнія по географіи, физикѣ, исторіи. Въ большомъ залѣ устраивались лекціи: князь Кропоткинъ читалъ рабочимъ объ «Интернаціоналѣ», Корнилова—о нѣмецкихъ и австрійскихъ рабочихъ ферейнахъ, Клеменсъ—о русскихъ народныхъ движеніяхъ. Часто, послѣ школьныхъ занятій, рабочіе, по большей части взрослые парни, собирались въ этомъ большомъ залѣ, пили чай, вели разговоры и споры, слушали чтеніе какой-нибудь интересной книги.

Въ февралѣ 1873 года Синегубъ уѣхалъ въ Тверь и попалъ въ народные учителя въ село Губинъ-Уголъ, Корчевскаго уѣзда, въ десяти верстахъ отъ знаменитаго сапожнаго села Кимры. И въ Губинѣ все населеніе шило обувь и еженедѣльно доставляло ее въ Кимры. Школу устроилъ

и содержалъ на свои средства богатый скупщикъ обуви, Мартыновъ, оказавшійся, конечно, форменнымъ негодяемъ. Синегубъ произвелъ разслѣдованіе о дѣлахъ и прошломъ своего патрона, «выяснилъ», что на его совѣсти много уголовныхъ преступленій, и съ перваго же момента у него установились враждебныя отношенія съ попечителемъ школы, на почвѣ которыхъ затѣмъ произошелъ форменный скандалъ. Синегубъ пришелъ къ заключенію, что ему оставаться въ Губинѣ-Углѣ невозможно, и, проучительствовавъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возвратился въ Петербургъ.

Фиктивная жена сопровождала Синегуба въ Губинъ-Уголъ, гдѣ заняла мѣсто учительницы въ той же школѣ. Тамъ, какъ пишетъ «чайковецъ»: «мы не одинъ вечеръ проводили въ бесѣдахъ, строили широкіе планы дѣятельности, мечтали о будущемъ счастьѣ народа, огорчались тѣмъ, что намъ казалось въ немъ темнымъ и сквернымъ... Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ нашъ разговоръ коснулся и разныхъ моральныхъ и общественныхъ темъ, свелся по ассоціаціи идей и на вопросъ о любви и окончилась наша бесѣда— неожиданнымъ признаніемъ Лариссы, что она меня любитъ и что таить ей это чувство больше не подъ силу»...

Всѣ фикціи кончились, и пара пропагандистовъ стала самыми нѣжными супругами.

Въ ночь съ 11 на 12 ноября, наканунѣ свадьбы Синегуба съ Лариссой, въ ихъ квартирѣ, за Невскою заставою, собралось нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ Левъ Тихомировъ, бывшій на нелегальномъ положеніи и скрывавшійся отъ преслѣдованія полиціи. Вся компанія осталась ночевать у Синегуба, какъ вдругъ въ полночь туда явились жандармы и полиція, и начался обыскъ. Хотя за Невскою заставою и ожидали по-

сѣщенія жандармовъ, и заблаговременно вся нелегальная литература была припрятана въ надежное мѣсто, но, тѣмъ не менѣе, обыскъ обнаружилъ черновики двухъ стихотвореній Синегуба и «сочиненіе» рабочаго Ефима Савостьянова, заключавшее прямо воззваніе къ бунту.

Жандармы ушли, обязавъ Синегуба подпискою явиться на слѣдующій день въ 3-е Отдѣленіе, но полиція потребовала виды на жительство у его гостей, а такъ какъ у Тихомирова его не оказалось, то онъ былъ арестованъ и отправленъ въ 3-е Отдѣленіе. Одновременно былъ произведенъ обыскъ въ квартирахъ рабочихъ, посѣщавшихъ лекціи Синегуба, и тамъ былъ найденъ рядъ нелегальныхъ рукописей: «Сказка объ Ильѣ Муромцѣ», «Барка», «Разговоръ Царя съ народомъ» и т. д. Поэтому, когда Синегубъ явился на слѣдующій день въ 3-е Отдѣленіе, то былъ арестованъ. Онъ провелъ три недѣли въ 3-мъ Отдѣленіи, послѣ чего, въ началѣ декабря 1873 года, былъ переведенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ провелъ ровно два года, откуда былъ переведенъ въ домъ предварительнаго заключенія и только въ сентябрѣ 1877 года предсталъ передъ судомъ особаго присутствія сената, приговорившаго его къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 9 лѣтъ. 22 іюля 1878 года онъ былъ закованъ въ кандалы и отправленъ въ Сибирь.

II.

Феофанъ Лермонтовъ.—Поѣздка за границу.—Кружокъ Лермонтова. — Доставка заграничныхъ изданій. — Сношенія съ контрабандистами. — Арестъ. — Письмо изъ тюрьмы.—Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. — Ея педагогическая дѣятельность.—Хожденіе въ народъ.—Арестъ въ Самарѣ.—Компрометирующія бумаги.—Арестъ Судзиловской и Милоглазкина.—Рабиновичъ.—Арестъ Эдельштейна.—Арестъ Савина.

---

4 января 1874 г. въ квартирѣ Судзиловской и Ваховской, проживавшихъ въ д. № 9, по 8-й Измайловской ротѣ, былъ задержанъ еще одинъ опасный пропагандистъ, Феофанъ Никандровичъ Лермонтовъ. Народный учитель по профессіи, онъ принадлежалъ первоначально къ кружку Чайковскаго, но еще въ началѣ 1873 г. отдѣлился отъ него и образовалъ собственную организацію. Лѣтомъ того же года Л. отправился за границу, жилъ нѣкоторое время въ Цюрихѣ, гдѣ получилъ прозвище «землеройки», или «гробокопателя», за конспиративное, таинственное поведеніе. За границей онъ сошелся съ «бакунистами», ѣздилъ на поклоненіе Бакунину въ Локарно и, получивъ отъ него указанія и инструкцію, черезъ Волочискъ возвратился въ Россію. Въ Волочискѣ Л. прожилъ нѣкоторое время конспиративно, занимаясь организаціей контрабанднаго пути для перевозки бакунинскихъ изданій.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ познакомился тамъ съ молодымъ человѣкомъ, готовившимся къ поступленію въ медико-хирургическую академію, Моисеемъ Абрамовичемъ Рабиновичемъ. Энергія и агитаціонная способность послѣдняго настолько понравились Лермонтову, что онъ рѣшилъ сдѣлать его своимъ замѣстителемъ и ближайшимъ помощникомъ. Они организовали кружокъ, къ которому примкнули: Софья Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Судзиловская, Ваховская и Милоглазкинъ. На нѣсколькихъ сходкахъ, на которыхъ присутствовали и лица, не принадлежавшія къ кружку Лермонтова, была выработана программа практической дѣятельности кружка. Признавая необходимость соціальной революціи, кружокъ находилъ, что пропагандировать народъ слѣдуетъ въ положеніи рабочаго, возбуждая революціонныя страсти.

Лермонтовъ привлекъ Рабиновича къ участію въ доставкѣ изъ-за границы книгъ. Было рѣшено, что первый изъ нихъ отправится за границу черезъ южныя губерніи, второй черезъ сѣверныя, и встрѣтятся тамъ съ Сажинымъ («бакунистомъ», извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Россъ). Мѣстомъ свиданія былъ назначенъ Берлинъ, гдѣ въ началѣ ноября и встрѣтились всѣ три пропагандиста. Лермонтовъ остался въ Берлинѣ, а Рабиновичъ съ Сажинымъ отправились въ пограничный прусскій городокъ Шервиндъ, гдѣ заключили условіе съ однимъ контрабандистомъ, по фамиліи Эдельштейнъ, который соглашался доставлять книги изъ Шервинда въ какой-нибудь городъ, находящійся за таможенной линіей, напримѣръ, въ Кайданы или Ковно, съ платою по 30 руб. за пудъ.

Послѣ этого Сажинъ уѣхалъ въ Берлинъ, откуда они вмѣстѣ съ Лермонтовымъ отправились въ Прагу за книгами, Рабиновичъ же остался въ

Шервиндѣ въ ожиданіи транспорта. Спустя нѣсколько дней книги пришли. Эдельштейнъ, при помощи Рабиновича, перепаковалъ ихъ на чердакѣ дома одного изъ контрабандистовъ и увезъ въ Кайданы. Рабиновичъ, не имѣя средствъ на расплату съ контрабандистами, возвратился въ Петербургъ. Повидимому, все предпріятіе по доставкѣ книгъ контрабанднымъ путемъ было затѣяно довольно легкомысленно. Кассы у членовъ кружка не было, денежныя средства его были очень ограничены, Лермонтовъ же очень нуждался въ деньгахъ. Впрочемъ, сейчасъ же послѣ пріѣзда въ Петербургъ Рабиновича нашелся сынъ генералъ-маіора Шрейдеръ, который отправился за книгами въ Кайданы, расплатился съ Эдельштейномъ и получилъ отъ него тюки съ книгами. Этимъ путемъ попали въ Россію: «Государственность и анархія» и «Историческое развитіе «Интернаціонала».

Въ мартѣ 1874 г., уже послѣ ареста Лермонтова, прибылъ второй транспортъ книгъ, за полученіемъ котораго также ѣздилъ Шрейдеръ, на этотъ разъ въ Ковно. Въ третій разъ за полученіемъ книгъ ѣздилъ въ іюнѣ самъ Рабиновичъ, получившій для разсчета съ Эдельштейномъ 300 руб. отъ Войноральскаго. Лермонтовъ на слѣдствіи держался тактики полнаго отрицанія всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій. Онъ утверждалъ, что съ августа по декабрь 1878 г. проживалъ въ Одессѣ, за границу не ѣздилъ, о ввозѣ въ Россію нелегальной литературы ничего не зналъ.

Однако, въ заключеніи съ нимъ случился непріятный казусъ. Онъ завязалъ сношеніе съ уголовнымъ арестантомъ Фроловымъ, убиравшимъ его камеру, и, считая его человѣкомъ вполнѣ надежнымъ, вручилъ ему для отправки на волю двѣ шифрованныя записки. Фроловъ оказался из-

мѣнникомъ и передалъ ихъ по начальству. Онѣ, конечно, были прочитаны и пріобщены къ дѣлу.

Записка гласила:

«Прошу васъ немедленно вотъ что сдѣлать. Написать мнѣ, кто цѣлъ и гдѣ находится. Писать можно, только на булочныхъ кошеляхъ лимономъ: чтобы прочесть, надо погрѣть на огнѣ. Всѣ отъ меня бумаги по виду бѣлыя, такъ читать. Вмѣсто философіи вотъ бы этому научиться; какъ я ни ухитрялся, нѣтъ, не понялъ. Ради Бога, вотъ что сдѣлайте: 1) сказать Монастыреву, чтобы непремѣнно онъ измѣнилъ показаніе; я въ августѣ былъ, но бумагъ не оставилъ, а потому онѣ не иначе къ нему... прихватилъ съ книгами Жукова, или у Милоглазкина, или у другого кого, а у этого я не ночевалъ и забылъ, и все это было въ послѣднихъ числахъ декабря, не иначе. 2) Фалину, и «Жиду», и «Милому», что они видѣли мои документы разъ, когда въ декабрѣ, около 15, я былъ у перваго, сидѣли вмѣстѣ, я снялъ сюртукъ, они выпали, подняли тогда и разсматривали, а какіе документы видѣли, они сами знаютъ, пусть припомнятъ, хоть не всѣ.

«Надо доказать, что они были при мнѣ до конца декабря. Въ этомъ вся сила, ибо съ августа по 18 декабря я жилъ въ Одессѣ; 3) въ августѣ, бывъ у Монастырева, я у него денегъ не просилъ на обѣдъ, это бывало ранѣе, а тогда я имѣлъ, ибо ѣхалъ въ Одессу. Видите, какъ онъ навралъ. На судѣ онъ долженъ не такъ измѣнить. Это можно. Вотъ она, гдѣ бы нужна ранѣе философія! 4) Лешернъ напомнитъ, что въ апрѣлѣ взялъ у нея 200 руб. въ долгъ, а лучше бы за переводъ чрезъ нее, но тогда мнѣ напишите книгу. Если не она, то вы ее замѣнить должны въ этомъ, лучше переводъ; 5) дайте знать Волховскому. Зотову и ему самому, что я жилъ въ Одессѣ съ начала августа до начала декабря. Съ ними видѣлся, искалъ мѣ-

ста. Они на моей квартирѣ не были и не знали ее. Познакомился я съ 1 въ Питерѣ, со 2 въ Одессѣ, въ библіотекѣ, съ 3 въ Питерѣ, видѣлся онъ проѣздомъ; 6) какъ 2... До свиданія, жму...»

Записка окончательно компрометировала Лермонтова. Въ качествѣ одного изъ обвиняемыхъ по процессу «193-хъ», онъ былъ приговоренъ сенатомъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибири.

Вскорѣ, по окончаніи процесса, какъ разсказываетъ Синегубъ, Лермонтовъ былъ перевезенъ изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость. Тамъ онъ заболѣлъ воспаленіемъ верхнихъ оболочекъ спинного мозга и, благодаря тюремной обстановкѣ и плохому медицинскому уходу, медленно умиралъ. Въ хорошіе майскіе и іюньскіе дни кровать Лермонтова выносилась во дворъ и ставилась у стѣны бани. Онъ не могъ уже ходить. Товарищи окружали его кровать, Синегубъ читалъ ему свои стихи, что доставляло большое удовольствіе больному.

Лермонтовъ, по общимъ отзывамъ, былъ далеко не заурядный человѣкъ. Онъ отличался феноменальною памятью, что давало ему возможность запоминать цѣлые отрывки изъ сочиненій Милля, Лассаля, Лаврова, Добролюбова, Чернышевскаго и массу другихъ, прочитанныхъ имъ серьезныхъ сочиненій. Обладая большимъ умомъ и даромъ слова, Лермонтовъ въ спорѣ засыпалъ противника массою ссылокъ на авторитеты, что покоряло ему сердца молодежи, среди которой онъ пользовался большимъ вѣсомъ.

Изъ Петропавловской крѣпости Лермонтова перевели въ Литовскій замокъ, откуда, несмотря на то, что онъ уже дышалъ на ладанъ, его отправили въ ссылку. Отъѣхавъ недалеко отъ Пе-

тербурга, онъ умеръ въ вагонѣ. Его трупъ былъ перевезенъ въ Петербургъ и похороненъ начальствомъ тюрьмы.

Одновременно съ Лермонтовымъ была задержана въ его квартирѣ Варвара Ваховская, но противъ нея не было найдено никакихъ уликъ, и она была освобождена изъ подъ стражи и уѣхала къ отцу въ Подольскую губернію. Въ концѣ 1874 г. она возвратилась въ Петербургъ и занялась революціонною пропагандою. Между прочимъ она посѣщала мастерскую портного Чукура и давала по праздничнымъ днямъ уроки крестьянскимъ мальчикамъ, Платонову и Алексѣеву. Она читала имъ «Исторію одного французскаго крестьянина», «Сказку о 4-хъ братьяхъ» и «Хитрую механику». Комментируя прочитанное, она, какъ установлено слѣдствіемъ, внушала своимъ ученикамъ, что правительство и чиновниковъ слѣдуетъ уничтожить. Судомъ были впослѣдствіи вмѣнены въ вину и такія обстоятельства, какъ пребываніе въ Цюрихѣ и знакомство съ Дебогорій-Мокріевичемъ, хотя послѣднее не заключало ровно ничего подозрительнаго, такъ какъ они были земляки (Ваховская окончила курсъ Каменецъ-Подольской гимназіи, гдѣ учился и Мокріевичъ). Сенатъ отнесся, впрочемъ, къ Ваховской довольно снисходительно и вмѣнилъ ей въ наказаніе предварительный арестъ.

Кромѣ самого Лермонтова и Ваховской, всѣ остальные члены этого кружка уцѣлѣли во время разгрома въ концѣ 1873 и началѣ 1874 гг. Рабиновичъ, въ моментъ арестовъ, ѣздилъ по порученію Лермонтова въ Кіевъ и Харьковъ. Возвратившись, онъ явился къ Судзиловской, которая жила въ это время въ 12 ротѣ, въ домѣ № 10, куда явились вскорѣ Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и Милоглазкинъ. Лешернъ привезла изъ Нижегородской губерніи нѣсколько паспортныхъ

бланковъ, а Милоглазкинъ изготовилъ двѣ печати. Кружокъ занялся приготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ, запасшись которыми, всѣ члены кружка лѣтомъ 1874 г. уѣхали изъ Петербурга «въ народъ».

Переходимъ къ исторіи остальныхъ членовъ кружка Лермонтова.

Дочь генералъ-маіора Софья Александровна Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ по возрасту пропагандистовъ. Въ 1874 г. ей было подъ сорокъ лѣтъ. Она не была новичкомъ въ дѣлѣ пропаганды. Еще въ 1871 г., отправившись въ имѣніе своей матери, село Меглецы, Боровичскаго уѣзда, она завѣдывала дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества и открыла школу, учителемъ въ которой былъ «долгушинецъ» Гамовъ. Дѣятельность Лешернъ и Гамова обратила на себя вниманіе властей. Школа была закрыта, и Лешернъ была лишена права заниматься учительствомъ и дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества. Несмотря на запрещеніе, Лешернъ продолжала учить крестьянскихъ дѣтей. Занятія происходили по вечерамъ, въ помѣщеніи школы, причемъ дверь затворялась съ внутренней стороны желѣзнымъ крюкомъ, а окна завѣшивались занавѣсками.

Однажды осенью 1873 года становой приставъ Малиновскій, получивъ приказаніе отъ исправника слѣдить за Лешернъ, поздно вечеромъ, съ завязаннымъ колокольчикомъ, подъѣхалъ къ школѣ. Окна были закрыты изнутри, дверь заперта наглухо. На стукъ Лешернъ спросила: «кто стучитъ?», и долго не отворяла дверей. Наконецъ, дверь была открыта, и становой, не останавливаясь разговаривать съ вышедшею къ нему Лешернъ, прошелъ прямо въ школу, гдѣ засталъ двухъ или трехъ мальчиковъ, которые на во-

просъ, гдѣ остальные?—отвѣтили, что они ушли по черной лѣстницѣ.

После этого случая Лешернъ уѣхала въ Петербургъ, гдѣ примкнула къ кружку Лермонтова, съ которымъ, впрочемъ, была знакома и раньше. Весною 1874 г. въ крестьянскомъ платьѣ, съ паспортомъ Варвары Лешевой, она ушла «въ народъ», пропагандируя въ приволжскихъ губерніяхъ. Проѣздомъ въ Саратовъ она оставалась нѣсколько дней въ Рыбинскѣ, гдѣ завязала сношеніе съ тамошними пропагандистами. Къ одному изъ нихъ, Бородулину, она обратилась съ просьбою пріискать ей мѣсто кухарки въ артели крючниковъ. Пріѣхавъ въ Саратовъ 17 іюня, Лешернъ отправилась прямо въ устроенную тамъ пропагандистами мастерскую Пелькопена и попала въ засаду. За нѣсколько дней до этого былъ произведенъ разгромъ саратовскихъ пропагандистовъ о чемъ друзья не успѣли возвѣстить Лешернъ.

Во время обыска у нея были найдены запрещенныя изданія, фальшивый паспортъ, рекомендательныя письма въ Самару и т. д. Она была препровождена въ Саратовскій тюремный замокъ, гдѣ съ нею повторилась та же исторія, что съ Лермонтовымъ. Смотритель перехватилъ ея письма на волю, адресованныя въ Рыбинскъ Бородулину.

«Митрей, — писала Лешернъ въ одномъ, — Варя-то Александровна, вмѣсто свободной волюшки, да попала въ клѣтку, гдѣ только и дѣло, что ходитъ, ровно маятникъ, а либо сидѣть, какъ кукла, и думу думати. Вотъ и отписала, только поздненько, 10 руб. побереги, вѣдь, шубенка-то еще понадобится. Варя».

Кромѣ двухъ записочекъ въ томъ же шутливомъ тонѣ, было перехвачено и большое письмо Лешернъ, написанное шифромъ, но, конечно, дешифрованное жандармами.

«Бородулинъ и Рабиновичъ, — писала пропагандистка, — пишу изъ Саратовской тюрьмы, арестовали у квартиры Войноральскаго. Потчуютъ каторгой и проч., если буду запираться, и свободой, если всѣхъ питерскихъ выдамъ. Я отринула и то, и другое, я выбрала бѣгство, есть друзья, арестанты, воры, которые здѣсь помогутъ. Меня перевезутъ въ Москву; если здѣсь не удастся, то тамъ буду надъ этимъ работать, мнѣ одинъ исходъ. Мойша, остерегайтесь, а также Бухъ, вообще, Самарцы и Саратовцы, имена попались. Письмо Попова очень повредило. Я его показала Пановымъ и извращу еще смыслъ письма, равно и вашу фамилію. Я здорова. Здѣсь подгадилъ Кулябко, все разсказалъ, подлецъ... Войноральскаго здорово ищутъ, гдѣ онъ? Не можете-ли указать убѣжища на первое время? Я послала Филатову-старшему письмо, чтобы прислалъ 50 руб. Это для Македона, ему легко удрать. Тутъ вѣдь еще нѣсколько сидятъ... Адреса, что при мнѣ были, всѣ сжевала въ части, какъ только взяли. Другъ Соня».

Планъ побѣга, конечно, не удалось осуществить, и Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ была приговорена сенатомъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, за исключеніемъ сибирскихъ. Благодаря ходатайству вліятельныхъ родственниковъ, она была помилована, но не оставила революціонной дѣятельности. Вмѣстѣ съ Валеріаномъ Осинскимъ она переѣхала въ Кіевъ.

Вскорѣ послѣ Лешернъ была арестована въ Петербургѣ Евгенія Константиновна Судзиловская. Она занималась пропагандою въ Пензѣ и Пензенской губерніи, гдѣ нѣкоторое время торговала въ лавочкѣ въ качествѣ простой продавщицы. Вслѣдъ за нею былъ арестованъ и бывшій

студентъ технологическаго института Милоглазкинъ, тоже пропагандировавшій въ народѣ. И Судзиловская, и Милоглазкинъ не были признаны опасными преступниками даже сенатомъ, и первая была оправдана, второму же былъ зачтенъ въ наказаніе предварительный арестъ.

Такимъ образомъ, къ осени 1874 г. изъ шести членовъ кружка Лермонтова оставался на свободѣ одинъ только Рабиновичъ, успѣвавшій каждый разъ ускользать отъ преслѣдовавшихъ его чуть-ли не по пятамъ жандармовъ. За годъ послѣ ареста Лермонтова онъ успѣлъ изъѣздить всю Россію, побывать и въ Харьковѣ, и Кіевѣ, и Одессѣ, и Пензѣ, и Саратовѣ, и Москвѣ, вездѣ поддерживая сношенія съ пропагандистами, снабжая ихъ нелегальными изданіями. Объ этой сторонѣ его дѣятельности было уже говорено выше.

Рабиновичъ пріѣхалъ въ Петербургъ чуть-ли не на второй день послѣ ареста Судзиловской и, въ виду угрожавшей ему опасности, сейчасъ же бѣжалъ за границу. Онъ оставался тамъ недолго и въ мартѣ 1875 г. былъ арестованъ въ Харьковѣ на вокзалѣ, съ подложнымъ паспортомъ на имя Роберта Дидерихса. Просидѣвъ нѣкоторое время въ одиночномъ заключеніи, Рабиновичъ рѣшилъ, что такая крупная сила, какъ онъ, не должна пропадать даромъ. Онъ задумалъ надуть жандармовъ, притвориться предателемъ, выдать нѣкоторыхъ и безъ того уже сильно скомпрометированныхъ товарищей, участи которыхъ ухудшить не могло уже ничто, купить этимъ путемъ свободу и, выйдя на волю, продолжать свою революціонную дѣятельность. Въ заявленіи, поданномъ имъ слѣдственной власти, Р. обѣщалъ, кромѣ того, если его выпустятъ на свободу, воспользоваться своею популярностью среди революціонеровъ, узнать ихъ планы и выдать ихъ вполнѣ.

Планъ Рабиновича потерпѣлъ полную неудачу. Онъ, дѣйствительно, сообщилъ слѣдственной власти много интереснаго матеріала, и его показанія имѣли для составителя обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ» такое же значеніе, какъ разоблаченія Низовкина и Гориновича. Тѣмъ не менѣе, власти не освободили Рабиновича и оставили его до суда въ тюрьмѣ. Во время суда онъ принесъ покаяніе передъ товарищами и получилъ формальное прощеніе. По приговору сената Р. былъ лишенъ всѣхъ правъ и преимуществъ и сосланъ на житье въ Иркутскую губернію. Онъ до того былъ удрученъ своимъ поступкомъ, что вскорѣ по прибытіи въ Сибирь заболѣлъ психическимъ разстройствомъ и умеръ.

Съ именемъ Рабиновича связана исторія доставки въ Россію контрабандою заграничныхъ книгъ, въ организаціи которой онъ принималъ дѣятельное участіе. Впрочемъ, путь Шервиндъ-Кайданы-Ковно, по которому слѣдовали транспорты нелегальныхъ изданій, былъ открытъ случайно. 5-го февраля 1875 г. въ Кайданахъ былъ произведенъ обыскъ у занимавшагося контрабандою еврея Вульфа Розенблата. На чердакѣ дома, въ которомъ онъ жилъ, было найдено два холщевыхъ тюка, прикрытыхъ плетенкою отъ телѣги. Въ нихъ оказалось: 206 экземпляровъ «Анархіи по Прудону», 48 «Государственности и Анархіи» и 31 «Историческаго развитія «Интернаціонала».

Розенблатъ объяснилъ, что эти тюки присланы къ нему изъ мѣстечка Шаки проживающимъ тамъ евреемъ, Мовшею Эдельштейномъ, который просилъ его хранить ихъ до пріѣзда его самого, или того, кого онъ пришлетъ. Сейчасъ же былъ произведенъ обыскъ у Эдельштейна, причемъ было найдено нѣсколько записокъ, указывавшихъ на его сношенія съ Будо, присылав-

шимъ ему книги изъ-за границы, и нѣсколькими пропагандистами въ Россіи. Далѣе было выяснено, что тюкъ съ запрещенными изданіями, отбитый пограничною стражею у контрабандистовъ еще 29 іюля 1874 года, былъ адресованъ Эдельштейну и присланъ тѣмъ же Будо.

Въ числѣ книгъ, арестованныхъ въ вышеупомянутомъ тюкѣ, находилась и знаменитая брошюра «О святителѣ Николаѣ». 9 августа 1875 года въ пакгаузѣ товарной станціи Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ при разборѣ невостребованныхъ грузовъ былъ найденъ тюкъ съ нелегальными изданіями. Какъ выяснило слѣдствіе, и этотъ тюкъ былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ Эдельштейномъ и, по какой-то ошибкѣ, попалъ въ Москву.

Эдельштейнъ не отрицалъ своей виновности въ контрабандѣ, но утверждалъ, что «даже никогда не могъ себѣ представить, что книги могутъ быть такія преступныя». Сенатъ отнесся къ нему сравнительно милостиво и вмѣнилъ ему въ наказаніе предварительный арестъ.

Совершенно случайно попалъ въ руки властей и фигурировалъ въ числѣ обвиняемыхъ по процессу «193-хъ» бывшій студентъ технологическаго института, Михаилъ Петровичъ Сажинъ, онъ же Будо и Россъ, который проживалъ въ Цюрихѣ и состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Бакунинымъ. С. былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Вологду за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ еще въ 1868 году, откуда бѣжалъ за границу. Въ 1876 году онъ вздумалъ возвратиться на родину, но былъ арестованъ въ первомъ же пограничномъ мѣстечкѣ Радзивиловѣ. На слѣдствіи С. держалъ себя съ большою выдержкою, ни въ чемъ не сознавался, никого не выдавалъ. Онъ утверждалъ, что никогда въ жизни не видѣлъ въ глаза и не имѣлъ никакихъ

дѣлъ ни съ Лермонтовымъ, ни съ Рабиновичемъ, ни съ Эдельштейномъ. Его заграничныя похожденія такъ и остались суду неизвѣстными (впрочемъ, они мало извѣстны, вообще), но его сильно компрометировали показанія Рабиновича.

Хотя послѣдній на судѣ отказался отъ всѣхъ своихъ словъ и утверждалъ, что сваливалъ вину на Сажина, думая, что онъ, какъ эмигрантъ, никогда не попадетъ въ руки русскихъ жандармовъ, но это не спасло Сажина, и послѣдній былъ лишенъ всѣхъ особеныхъ правъ и преимуществъ и сосланъ на житье въ одну изъ сѣверныхъ губерній.

Такимъ образомъ, не только всѣ члены кружка Лермонтова, но и лица, находившіяся въ какихъ бы то ни было съ нимъ сношеніяхъ, раньше или позже раздѣлили его участь и попали въ руки властей.

III.

Сергѣй Коваликъ. — Пребываніе въ Мглинскомъ уѣздѣ.—Поѣздка за границу.—Кружокъ Ковалика.—Поѣздка въ Харьковъ, Кіевъ, Москву, Ярославль, Казань и Саратовъ.—Разгромъ саратовской мастерской.—Арестъ Ковалика.—Кружокъ Каблица.—Кружокъ артиллеристовъ.—Изъ воспоминаній Лукашевича.—Послѣ разгрома. — «Оренбуржцы». — Муравскій. — «Самарцы».—Прочіе кружки.

Переходимъ къ исторіи третьяго, точнѣе, четвертаго, если считать кружокъ Низовкина, петербургскаго кружка, основателемъ котораго считается Коваликъ. Сергѣй Филипповичъ Коваликъ, по словамъ Дебогорій-Мокріевича, въ 1870 г., а, можетъ быть, и годомъ раньше, выдержалъ при кіевскомъ университетѣ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ и въ одно время думалъ получить каѳедру по математикѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Но вскорѣ онъ увлекся другими мыслями и идеями и оставилъ навсегда мечты объ учено-математической карьерѣ. Въ 1872 г. онъ былъ избранъ мировымъ судьею въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, чѣмъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, горячей агитаціи, которую вела въ его пользу Брешко-Брешковская, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ въ мглинскомъ земствѣ.

Коваликъ былъ даже избранъ предсѣдателемъ

съѣзда мировыхъ судей, причемъ въ секретари онъ выписалъ себѣ бывшаго вольно-слушателя кіевскаго университета, Іосифа Каблица, пользовавшагося большою извѣстностью въ студенческихъ кружкахъ Кіева. Попытка Ковалика и Каблица работать на легальной почвѣ закончилась полною неудачею. Выборы Ковалика не были утверждены сенатомъ. Вынужденный оставить Мглинъ, Коваликъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ окончательно отдался революціонной агитаціи.

Это былъ человѣкъ, обладавшій блестящими способностями. Какъ пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ, ему рѣдко приходилось встрѣчать кого-либо другого, кто, какъ онъ, умѣлъ бы съ такимъ искусствомъ заинтересовать всякаго своей бесѣдой и съ такой быстротой входить въ умственные интересы собесѣдника. Въ кружкахъ, среди близко знавшихъ его товарищей, онъ пользовался репутаціей весьма умнаго человѣка и подобную репутацію завоевывалъ рѣшительно всюду, гдѣ ни появлялся. «Я никогда не забуду того случая,— пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ,—какъ однажды на вечерѣ у одного исправника, отставного военнаго, Коваликъ привелъ послѣдняго въ восторгъ своими остроумными соображеніями и разсужденіями о маршировкѣ... «Замѣчательный человѣкъ!» восклицалъ потомъ исправникъ, вспоминая о немъ. На самомъ дѣлѣ, гибкость его ума была поразительная. Съ необыкновенной легкостью онъ приспособлялся къ собесѣднику и, ставши на его точку зрѣнія, не возражалъ прямо, а дѣлалъ только вставки и поясненія, неминуемо, однако, приводившія къ выводу, какой былъ желателенъ ему. Его споръ всегда былъ оригиналенъ и, какъ бы ни былъ горячъ, рѣдко сопровождался шумомъ и громомъ, какъ это было у другихъ»

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Коваликъ встрѣтилъ здѣсь своихъ старыхъ знакомыхъ, студента института путей сообщенія Блавдзевича и его сестру, Клеопатру, проживавшихъ на одной квартирѣ со студентомъ технологическаго института Константиномъ Фростомъ. Вскорѣ въ Петербургѣ появился и Іосифъ Каблицъ, и всѣ они составили кружокъ, къ которому примкнули еще Чернышевъ и Ламени-Македонъ.

Въ концѣ 1872 года Коваликъ поѣхалъ за границу и побывалъ въ Локарно у Бакунина, гдѣ получилъ какія-то инструкціи, какъ Лермонтовъ и Дебогорій-Мокріевичъ, послѣ чего возвратился въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ свою агитаціонную работу. Къ его кружку примкнули теперь: студентъ медико-хирургической академіи Паевскій и университета Артамоновъ. Впрочемъ, Каблицъ и Чернышевъ отдѣлились вскорѣ отъ Ковалика и образовали свой собственный кружокъ.

Въ собраніяхъ кружка происходили разсужденія на обычную тему: положеніе народа бѣдственное, исправится оно только тогда, когда онъ самъ пойметъ свое положеніе. Интеллигентной молодежи слѣдуетъ помочь въ этомъ народу, для чего ей надо побывать въ средѣ народа, вынести на себѣ всѣ тяжести, которыя выноситъ народъ, говорить съ нимъ, какъ съ братомъ. Было рѣшено проникать подъ видомъ рабочихъ въ народную среду, соединять между собою отдѣльныя недовольныя личности изъ народа и при удобномъ случаѣ вызвать возмущеніе.

Въ маѣ 1874 года весь кружокъ Ковалика, за исключеніемъ Артамонова, уѣхалъ на пропаганду. Артамоновъ же остался въ Петербургѣ, въ качествѣ представителя кружка. Вообще, среди петербургскихъ рабочихъ занимались пропагандою только Артамоновъ и Паевскій, остальные члены

кружка готовились къ дѣятельности среди сельскаго населенія и бурлаковъ.

Одиссея Ковалика ждетъ еще своего Гомера. За исключеніемъ одного Дебогорій-Мокріевича, ни у кого изъ пропагандистовъ 70-хъ годовъ не было больше приключеній, никто не изъѣздилъ Россіи вдоль и поперекъ, какъ этотъ бывшій мглинскій мировой судья. Главною специальностью Ковалика было посѣщеніе различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ и организованіе тамъ изъ мѣстной интеллигенціи, по преимуществу молодежи, кружковъ. Первымъ дѣломъ, онъ отправился въ Харьковъ, Кіевъ, Одессу и положилъ основаніе получившимъ столь громкую извѣстность южнымъ кружкамъ, изъ среды которыхъ скоро выдвинулись самые энергичные и рѣшительные агитаторы.

Въ Харьковъ онъ прибылъ подъ фамиліей Лукашевичъ и остановился въ квартирѣ студента Кругликова. По иниціативѣ этого послѣдняго и его друга Говорухи-Отрока тамъ уже существовало нѣчто вродѣ кружка самообразованія, которымъ читались различныя книги и выписывался «Впередъ». Ковaликъ, познакомившись съ Кругликовымъ и Говорухою-Отрокомъ, весь вечеръ разсказывалъ имъ о петербургскихъ кружкахъ, поставившихъ своею задачею пропагандировать въ народѣ революціонныя идеи, и прямо предложилъ своимъ слушателямъ организовать революціонный кружокъ. Они охотно согласились на это предложеніе, и черезъ нѣсколько дней начался цѣлый рядъ сходокъ, происходившихъ то въ квартирахъ студентовъ университета и ветеринарнаго института, то въ Карповскомъ саду и на Основѣ. На сходкахъ присутствовало и много семинаристовъ.

Особенное вниманіе было обращено Ковaликомъ на пропаганду среди семинаристовъ. Спа-

чала на нихъ старался подѣйствовать своимъ краснорѣчіемъ Говоруха-Отрокъ. Въ доказательство правильности своихъ разсужденій онъ ссылался на книги «Государственность и Анархія» и «Историческое развитіе «Интернаціонала», которыя тутъ же передалъ семинаристамъ и просилъ внимательно прочесть ихъ. Семинаристы, какъ народъ прилежный, переписали ихъ аккуратно и изучили самымъ тщательнымъ образомъ. Говоруха-Отрокъ убѣждалъ своихъ учениковъ присоединиться къ революціоннымъ кружкамъ и подъ видомъ рабочихъ идти въ народъ, возбуждая его къ возстанію.

Когда такимъ образомъ Говоруха подготовилъ почву, на сходку явился и самъ Коваликъ. Онъ произнесъ горячую рѣчь на тему, что, въ виду бѣдственнаго положенія народа, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія между гражданами имуществъ и эсплоатаціи его привилегированными классами и правительствомъ, семинаристы обязаны оставить ученіе, идти въ народъ, возбуждать его къ ниспроверженію правительства и уничтоженію непроизводительныхъ классовъ общества, дворянства, духовенства, купечества и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не зарабатываетъ себѣ куска хлѣба физическимъ трудомъ. Наука, какъ средство, дающее возможность эксплоатировать народъ, должна быть изгнана. Задача каждаго должна состоять въ разрушеніи существующихъ въ государствѣ порядковъ, а впослѣдствіи народъ уже самъ издастъ новый порядокъ, и, по всей вѣроятности, Россія будетъ представлять изъ себя множество мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ.

Уговаривая семинаристовъ идти въ народъ, Коваликъ разсказывалъ имъ, что за границей и въ Петербургѣ образовалось революціонное общество, которое по первому требованію вы-

шлетъ деньги всѣмъ, кто согласится идти въ народъ. Онъ совѣтовалъ прежде всего отправиться на фермы въ Пензенскую и другія губерніи для изученія какого-нибудь ремесла съ тѣмъ, чтобы потомъ, подъ видомъ рабочихъ, съ фальшивымъ паспортомъ, ближе сойтись съ народомъ и успѣшнѣе вести дѣло революціонной пропаганды.

Спустя нѣкоторое время мы встрѣчаемъ Ковалика въ Москвѣ, гдѣ онъ агитируетъ среду студентовъ Петровско-Разумовской академіи, откуда ѣдетъ въ Ярославль. По прибытіи туда К. отправился къ профессору лицея Михаилу Духовскому, съ которымъ былъ знакомъ по Москвѣ; и при его посредствѣ познакомился съ нѣсколькими семинаристами и воспитанниками лицея.

Изъ Ярославля Коваликъ отправился въ Кострому, но, повидимому, здѣсь его постигла неудача. Семинаристъ, у котораго онъ оставилъ пакетъ съ книгами, испугавшись чего-то, снесъ его къ начальнику. Коваликъ изъ Костромы отправился въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Казань, и въ концѣ мая добрался до Саратова, гдѣ поселился въ мастерской Пельконена, устроенной Войнаральскимъ. Но здѣсь онъ оставался не долго. 31 мая 1874 г. былъ произведенъ разгромъ мастерской, и Ковалику удалось избѣжать ареста прямо какимъ-то чудомъ. Онъ пропутешествовалъ еще около двухъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, 8 іюля полиціи не удалось задержать его въ Самарѣ, на постояломъ дворѣ.

По словамъ Дебогорій-Мокріевича, Коваликъ, Войнаральскій, Рогачевъ и Мышкинъ являются центральными фигурами 73-хъ и 74-хъ годовъ, или, точнѣе, типичными представителями, такъ какъ движеніе далеко не было централизовано и прошло широкимъ, неорганизованнымъ потокомъ. Во время процесса «193-хъ» къ этимъ четверымъ человѣкамъ была приставлена спе-

ціальная стража, и въ залѣ суда они были даже посажены отдѣльно отъ остальныхъ подсудимыхъ. Судъ призналъ ихъ главными иниціаторами и составителями огромнаго заговора, котораго въ дѣйствительности не существовало. Ковaликъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири.

Двинувшись въ народъ, большая часть кружка Ковалика направилась въ Москву, гдѣ они провели Пасху. Здѣсь Блавдзевичъ, его сестра, невѣста Ковалика, и Ламени-Македонъ примкнули къ Войноральскому, принимали участіе въ его предпріятіяхъ, разъѣхались, исполняя его порученія, по различнымъ городамъ и были арестованы въ Саратовѣ, въ мастерской Войноральскаго. Разновременно были арестованы также Гриценковъ, Паевскій и Артамоновъ, такъ что изъ кружка Ковалика уцѣлѣлъ одинъ только Форстъ, умершій до начала разгрома. Они не были признаны серьезными преступниками, и сенатъ вмѣнилъ имъ въ наказаніе предварительный арестъ.

Каблицъ и Чернышевъ, отдѣлившись отъ Ковалика, организовали собственный кружокъ, въ который вошли: Стронскій, Рогачевъ, Цвиленева и сестры Щукины, изъ которыхъ одна вышла замужъ за Каблица, другая за Стронскаго. Члены кружка Каблица получили названіе «вспышкопускателей», такъ какъ они стояли за мѣстныя возстанія, вспышки. При посредствѣ Каблица, бывшаго секретаремъ мглинскаго съѣзда мировыхъ судей, когда Ковaликъ предсѣдательствовалъ тамъ, члены кружка познакомились съ Брешко-Брешковскою и подъ ея вліяніемъ весною 1874 г. переселились въ Кіевъ, гдѣ слились съ тамошними кружками.

Пропагандисты недолюбливали Каблица. Они

характеризовали его, какъ человѣка, способнаго и цѣннаго, но слишкомъ зарывавшагося въ книги. Кто-то даже острилъ, что умъ Каблица блисталъ бы ярче, если бы онъ могъ забыть половину того, что вычиталъ изъ книгъ. Онъ не игралъ особенной роли въ движеніи 70 г.г. и хотя и разыскивался полиціей, но съумѣлъ избѣжать ареста, во время же «диктатуры сердца» онъ даже перешелъ изъ нелегальнаго положенія въ легельное. Въ своихъ трудахъ К. пытался дать научно-философское обоснованіе народничеству, но многія изъ его статей отличаются тѣмъ недостаткомъ, что почти сплошь состоятъ изъ цитатъ, самому же Каблицу принадлежатъ только связки: «но», «а» и «потому что».

Въ спискѣ лицъ, разыскиваемыхъ полиціей, о Каблицѣ имѣлись слѣдующія свѣдѣнія: «бывшій студентъ кіевскаго университета, сынъ поручика, урожденный Черниговской губерніи, кривъ на одинъ глазъ, постоянно отличается буйнымъ характеромъ».

Каблицъ умеръ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Подъ вліяніемъ четырехъ главныхъ петербургскихъ кружковъ: Чайковскаго, Лермонтова, Ковалика и Каблица, въ Петербургѣ сложились и организовались еще три кружка: артиллеристовъ, «оренбуржцевъ» и «самарцевъ». Кружокъ артиллеристовъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1872 г. воспитанники Михайловскаго артиллерійскаго училища Алтовъ, Тепловъ, Усачевъ и Нефедовъ, товарищи по классу, стали посѣщать квартиру отставного поручика Егора Емельянова, начальника снаряжательнаго отдѣла патроннаго завода, гдѣ встрѣчались съ Кравчинскимъ, Шишко и Рогачевымъ. На собраніяхъ у Емельянова читались программы журнала «Впередъ» и «Интернаціональнаго общества», говорилось

много о революціи, о томъ, что она только и можетъ разорвать тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ находится общество. Рѣчи Кравчинскаго и его товарищей произвели такое впечатлѣніе на артиллеристовъ, что они, начиная съ февраля 1873 г., одинъ за другимъ оставили училище, поселившись на одной квартирѣ, гдѣ, кромѣ четырехъ вышеупомянутыхъ артиллеристовъ, жили также: Голотшевъ, Щеголевъ, Аронзонъ, Усачевъ и Фоминъ. Эту квартиру часто посѣщали Шишко, Коваликъ и Каблицъ, прививавшіе артиллеристамъ революціонное направленіе. Сначала, повидимому, кружокъ не держался революціонных взглядовъ и обсуждалъ лишь вопросъ, какъ помочь народу выйти изъ его бѣдственнаго положенія, причемъ многіе склонялись къ той мысли, что необходимо «отправиться на рекогносцировку», то есть пойти въ народъ съ намѣреніемъ узнать настоящее его положеніе, нужды и стремленія.

Спустя нѣкоторое время на квартирѣ артиллеристовъ появился «отданный неизвѣстно кѣмъ для сбереженія» ручной типографскій станокъ и шрифтъ. Станокъ хранился въ верхнемъ помѣщеніи квартиры, гдѣ раза два провелъ нѣсколько часовъ Шишко съ неизвѣстною личностью, заперевъ двери на ключъ. Тепловъ пробовалъ печатать на этомъ станкѣ программу собиранія свѣдѣній о народномъ бытѣ, но не съумѣлъ справиться со станкомъ, и у него такъ-таки ничего и не вышло. Опасаясь обыска, артиллеристы отправили станокъ на сохраненіе къ Емельянову, но Теплову его опыты не давали покоя, и онъ желалъ продолжать ихъ. По его просьбѣ Емельяновъ нанялъ для него квартиру за арсеналомъ, обставилъ ее кое-какою мебелью, рекомендовалъ ему въ помощники воспитанника техническаго училища Гвоздева и перевезъ туда станокъ.

Однако, изъ его опытовъ такъ-таки ничего и не вышло.

Тепловъ, послѣ выхода изъ артиллерійскаго училища, работалъ нѣкоторое время на патронномъ заводѣ и познакомился тамъ съ рабочимъ Михаиломъ Никифоровымъ. Вскорѣ послѣдній, по болѣзни, уѣхалъ къ себѣ на родину въ Гдовскій уѣздъ, гдѣ, при содѣйствіи артиллеристовъ, открылъ тайную школу, въ которой впослѣдствіи было найдено во время обыска много нелегальныхъ брошюръ и нѣсколько писемъ, окончательно скомпрометировавшихъ артиллеристовъ. Оказалось, что они снабжали Никифорова и книгами, и деньгами. Никифоровъ умеръ во время слѣдствія и этимъ только избѣжалъ суда.

Собираясь въ народъ, артиллеристы рѣшили изучить какое-нибудь ремесло. Тепловъ, Алтовъ и Нефедовъ поступили въ упомянутую нами уже выше слесарную мастерскую, на набережной Малой Невки, устроенную Богомоловымъ, гдѣ работалъ уже Лукашевичъ. Вскорѣ затѣмъ было рѣшено заняться изученіемъ кузнечнаго мастерства. Богомоловъ и Лукашевичъ отыскали кузнеца по Боровой улицѣ, въ мастерской котораго и работали почти всѣ артиллеристы.

Въ началѣ 1874 года они нашли, что уже достаточно подготовлены, и рѣшили двинуться въ народъ. Тепловъ отправился къ Емельянову, сообщилъ ему о своихъ намѣреніяхъ и просилъ дать нѣсколько адресовъ лицъ, у которыхъ онъ могъ бы найти пристанище для отдыха во время своего хожденія въ народъ. Емельяновъ досталъ ему свидѣтельство, снабдилъ его адресами; по образцу же свидѣтельства, полученнаго отъ Емельянова, артиллеристы изготовили себѣ свидѣтельства, приложивъ къ нимъ печать, нацарапанную Тепловымъ на свинцовой плиткѣ. Для переписки между собою они придумали шифръ, и 2 марта

Тепловъ, Усачевъ, Нефедовъ и Фоминъ, въ крестьянскихъ полушубкахъ, выѣхали изъ Петербурга по Николаевской дорогѣ; спустя нѣсколько дней вслѣдъ за ними выѣхали Аитовъ и Лукашевичъ. Самое подробное воспоминаніе мытарствъ артиллеристовъ находимъ въ воспоминаніяхъ Лукашевича.

Австрійскій подданный, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, Александръ Осиповичъ Лукашевичъ учился въ херсонской гимназіи. Въ 1871 году онъ перешелъ изъ 6 класса въ 7-ой, когда въ Херсонъ были сосланы подъ негласный надзоръ полиціи нѣсколько студентовъ, замѣшанныхъ въ Нечаевскомъ дѣлѣ, и въ ихъ числѣ Андрей Франжоли. Они занялись развитіемъ гимназистовъ, и вскорѣ вокругъ Франжоли возникъ тѣсно сплоченный кружокъ единомышленниковъ, признававшихъ его своимъ главой и вождемъ. Въ 1873 году Лукашевичъ оставилъ Херсонъ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ мы уже упоминали, примкнулъ къ кружку «чайковцевъ», но ближе сошелся съ артиллеристами.

Собравшись въ народъ, пропагандисты рѣшили разбиться попарно. Въ парѣ съ Лукашевичемъ оказался Давидъ Александровичъ Аитовъ. Прежде чѣмъ двинуться въ дорогу каждый изъ нихъ наблюдалъ нѣкоторое время за прибывающими въ Петербургъ и выѣзжающими оттуда рабочими, желая изучить ихъ манеры, полушубки, шапки, котомки и т. д. Заготовивъ себѣ все необходимое, въ костюмѣ рабочихъ, 7 марта 1874 года Лукашевичъ съ Аитовымъ выѣхали изъ Петербурга. На слѣдующій день они очутились уже на улицѣ маленькаго города Московской губерніи, Клина, откуда двинулись пѣшкомъ въ Дмитровъ, Владимірской губерніи.

Они путешествовали безъ особенныхъ приключеній. Крестьяне относились довольно подозри-

тельно къ пѣшимъ путешественникамъ, неохотно принимали ихъ въ свои хаты на ночлегъ. Работы, конечно, они не нашли и только теперь убѣдились, что въ мѣстностяхъ, куда они отправились, вообще, трудно найти работу, и оттуда какъ разъ «весь лишній народъ» расходится на заработки по всей Россіи. Вскорѣ оба пропагандиста почувствовали себя въ селахъ центральной Россіи буквально иностранцами, имѣвшими самое общее представленіе объ обычаяхъ и даже религіи мѣстнаго населенія, такъ какъ Лукашевичъ былъ лютеранинъ и выросъ въ Херсонской губерніи, а Аитовъ—сынъ магометанина и воспитывался въ Оренбургѣ. Крестьяне считали «чернявыхъ» не то цыганами, не то евреями.

Между тѣмъ, приближалась Пасха, и странники рѣшили, что имъ никакъ невозможно проводить ее въ деревнѣ съ ихъ незнаніемъ религіозныхъ обычаевъ, которые, какъ они слышали, строго соблюдаются въ центральныхъ губерніяхъ. Они нашли необходимымъ добраться до первой желѣзнодорожной станціи и двинулись въ Москву, гдѣ случайно собрались почти всѣ петербуржцы, двинувшіеся «въ народъ». Всѣ они нашли пріютъ въ сапожной мастерской, открытой Войнорадьскимъ, и, проведя праздники въ Москвѣ, отправились дальше. Лукашевичъ разстался съ Аитовымъ, у котораго былъ другой планъ, и одинъ рѣшилъ пройти всю Владимірскую губернію и кусокъ Нижегородской до Нижняго. Вскорѣ онъ очутился на «столбовой» дорогѣ, огражденной канавками и протянувшейся куда-то въ гору. По таинственной игрѣ случая, это была не болѣе не менѣе, какъ знаменитая «Владимірка», которая ведетъ черезъ Владиміръ въ Нижній и много дальше, восточнѣе, куда воронъ не заноситъ добровольно костей.

Путешествіе Лукашевича не изобиловало при-

ключеніями. Въ Орѣховѣ-Зуевѣ его не приняли на фабрику ни у Саввы, ни у Елиса Морозовыхъ, работы онъ нигдѣ не находилъ и, такъ какъ шелъ быстро, верстъ по 30 въ день, не дѣлая дневокъ и не останавливаясь для отдыха, то ноги его пострадали настолько, что, потерявъ совершенно надежду добраться до Нижняго пѣшкомъ, онъ вынужденъ былъ проѣхать оставшееся небольшое разстояніе по желѣзной дорогѣ.

Въ Нижнемъ Лукашевичъ остановился на постояломъ дворѣ, куда пришли на ночлегъ плотники, пильщики, два или три лишившихся мѣстъ трактирныхъ половыхъ, нищіе, уличный продавецъ табаку и папиросъ и такъ далѣе. Вскорѣе онъ перебрался на конспиративную квартиру Серебровскихъ, гдѣ встрѣтился съ двумя «артиллеристами», Усачевымъ и Фоминымъ. Отъ нихъ онъ узналъ, что Тепловъ ведетъ чрезвычайно удачную пропаганду среди кустарей извѣстнаго своими металлическими издѣліями села Павлова. Его лавры соблазнили Лукашевича, и онъ, не долго думая, отправился туда на пароходѣ по Окѣ.

Прибывъ въ Павлово, Лукашевичъ поселился въ домѣ «обращеннаго» уже въ соціализмъ кустаря Л., поработалъ у него нѣкоторое время и, по его рекомендаціи, попалъ въ артель плотниковъ въ качествѣ начинающаго работника. Онъ проработалъ въ артели конецъ весны и начало лѣта, его будилъ утромъ «до солнышка» нарочно назначенный для этого спеціалистъ, вмѣстѣ съ ними онъ работалъ до 8 ч. вечера, вмѣстѣ же съ ними ѣлъ изъ общей миски не особенно здоровую хозяйскую стряпню. Скоро онъ научился хорошо отесывать «по шнурку и по чертѣ» кромки досокъ и сносно большія плоскости столбовъ или брусьевъ, но все-таки передъ нимъ оставались еще закрытыми цѣлыя области плотничьяго искусства. Изрѣдка

онъ пробовалъ говорить съ плотниками про ихъ нужды и обиды со стороны начальства, но получилъ на это отвѣтъ, что сами они во всемъ виноваты, такъ какъ всѣ поголовно пьяницы и «забыли Бога». Л., съ которымъ онъ дѣлился своимъ горемъ по поводу неумѣнія вести пропаганду, посовѣтовалъ ему перебраться въ Нижній на ярмарку, гдѣ плотнику легко найти работу.

Лукашевичъ получилъ отъ своего хозяина нѣчто въ родѣ аттестата плотничьей зрѣлости, выраженнаго въ слѣдующей формѣ: «Вѣдь, ты какимъ къ намъ пришелъ? Дуракъ дуракомъ!.. Вовсе и говорить-то не умѣлъ по нашему! Болванъ ты былъ необтесанный, вотъ кто! Мы же тебя образовали, человѣкомъ сдѣлали, большое-то съ тебя обтесали... Теперь, вотъ, ты куда хошь». Хозяинъ убѣждалъ пропагандиста остаться у него, но Лукашевичъ былъ неумолимъ. Онъ отправился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ качествѣ настоящаго плотника работалъ, получая по 70 к. въ сутки, но пропаганда у него попрежнему подвигалась туго. Онъ такъ и не успѣлъ обратить въ соціализмъ кого бы то ни было. По воскресеньямъ онъ навѣщалъ конспиративную квартиру Серебровскихъ. Тамъ онъ узналъ, что дѣла пропагандистовъ плохи, что многіе уже арестованы, что и надъ нижегородской группой виситъ Дамокловъ мечъ разгона. И вдругъ у него явилось страстное желаніе взглянуть, что дѣлается въ средѣ интеллигенціи, разузнать подробнѣе объ арестѣ и положеніи дѣлъ.

Вмѣстѣ съ Милоглазкинымъ и семинаристомъ Александровскимъ Лукашевичъ двинулся въ путь. Было рѣшено ѣхать на этотъ разъ не въ крестьянскомъ образѣ, но подъ видомъ уволенныхъ семинаристовъ. Уже въ Москвѣ ихъ встрѣтили нерадостныя вѣсти. Огромное большинство

членовъ старыхъ организацій было упрятано по тюрьмамъ, за пропагандистами гнались по пятамъ. И Александровскій, и Милоглазкинъ попали въ руки московской полиціи, Лукашевичъ же избѣжалъ ареста только потому, что успѣлъ выѣхать въ Петербургъ, но ему тамъ было дѣлать нечего, и онъ возвратился въ Москву, чувствуя себя нравственно безпомощнымъ, одинокимъ, почти уже деморализованнымъ.

Послѣ долгихъ поисковъ за работой ему удалось поступить молотобойцемъ въ кузницу мелкаго кузнеца, гдѣ чуть было не «обратилъ» двухъ товарищей по мастерской, но это ему все-таки не удалось. Одинъ разсуждалъ такъ, какъ плотники въ Павловѣ, другой хотя и произносилъ радикальныя рѣчи, но оказался человѣкомъ слабохарактернымъ, со склонностями къ алкоголю.

Къ концу лѣта 1874 г. революціонная молодежь, уцѣлѣвшая послѣ погрома, стала мало-помалу оправляться отъ нанесенныхъ ей тяжелыхъ ранъ. Появились новыя лица, преданныя общему дѣлу: кавказцы Здановичъ и Джабодари, группа русскихъ студентокъ, возвратившихся изъ-за границы. Всѣ они объединились съ остатками «чайковцевъ» и составили одинъ кружокъ. Кружокъ просуществовалъ нѣсколько мѣсяцевъ, но 29 марта 1875 г. былъ арестованъ наиболѣе энергичный агитаторъ кружка, рабочій Васильевъ, сожительница котораго, думая этимъ спасти его, выдала жандармамъ квартиру московской организаціи, которая погибла, не успѣвъ развернуться.

Дѣло московской организаціи было выдѣлено въ особое производство. Это такъ называемый процессъ «50-ти». Лукашевичъ фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго по обоимъ дѣламъ пропагандистовъ 70 г.г., то есть участвовалъ въ про-

цессахъ «193-хъ» и «50-ти». Онъ былъ приговоренъ по совокупности къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на пона поселеніе въ Тобольскую губернію.

Другіе «артиллеристы» отдѣлались очень дешево. Усачевъ, Тепловъ, Нефедовъ и ихъ другъ и покровитель Емельяновъ были оправданы сенатомъ, Антонову же, Щеголеву и Аронзону было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе.

Возвращаясь къ петербургскимъ кружкамъ, намъ остается познакомиться съ исторіей «оренбуржцевъ» и «самарцевъ».

Основателемъ кружка «оренбуржцевъ», былъ Голоушевъ. Онъ составилъ кружокъ, къ которому присоединились студенты: университета Дмитрій Федоровичъ, медико-хирургической академіи Леонидъ Траубенбергъ и Петръ Воскресенскій, дочь надворнаго совѣтника Марія Веревочкина и слушательница женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи, Клеопатра Лукашевичъ. Кружокъ собирался по преимуществу у Федоровича и Голоушева, гдѣ читались нелегальныя изданія и обсуждались политическіе вопросы. Почти всѣ члены кружка рѣшили бросить ученіе и «помочь народу отъ притѣсненій, эксплоатаціи и его собственнаго невѣжества». Голоушевъ вышелъ изъ академіи, Щеголевъ изъ технологическаго института, и оба рѣшили поступить въ сельскіе учителя, Федоровичъ бросилъ университетъ, Лукашевичъ думала занять мѣсто сельской учительницы.

Весною 1874 г. «оренбуржцы» ушли въ народъ по примѣру прочихъ участниковъ петербургскихъ кружковъ. Голоушевъ отправился въ Оренбургъ, гдѣ сталъ заниматься слесарнымъ ремесломъ. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ Веревочкиною, съ которою собирался

повѣнчаться фиктивнымъ бракомъ. Послѣдняя переписывалась также съ Щеголевымъ, и ея переписка, попавшая со-временемъ въ руки жандармовъ, послужила матеріаломъ для обличенія «оренбуржцевъ». Какъ видно изъ переписки, Веревочкина собиралась заниматься пропагандой, но друзья убѣждали ее оставить эту мысль, такъ какъ ея здоровье не выдержитъ скитаній, и совѣтовали сдѣлаться народной учительницей.

Въ Оренбургѣ Голоушевъ сошелся съ проживавшимъ тамъ подъ надзоромъ полиціи Митрофаномъ Даниловичемъ Муравскимъ. Еще въ 60 г.г. Муравскій «за произношеніе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и приготовленіе къ бунту» былъ сосланъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, но въ 1870 г. ему было разрѣшено проживать въ Оренбургской губерніи. Муравскій, извѣстный подъ кличкою «отецъ Митрофанъ», почуялъ начинающееся броженіе умовъ, воспрянулъ духомъ, скоро усвоилъ основную идею движенія 70 г.г. и, хотя ему было за сорокъ лѣтъ, примкнулъ къ кружку «оренбуржцевъ» вмѣстѣ съ гимназистомъ Орловымъ.

Муравскій убѣждалъ Голоушева заняться пропагандой въ Сибири, куда тотъ и собирался, приглашая съ собой Веревочкину. Самъ «отецъ Митрофанъ» отправился странствовать по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, занимаясь распространеніемъ идей, заключающихся въ запрещенныхъ книгахъ. Уряднику Невзорову онъ читалъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», крестьянину Молчанову книгу о томъ, какъ мировые посредники тиранили крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости и т. д.

«Голоушевцы» подвизались не долго. 13-го августа была задержана въ Казани Веревочкина, 17-го Федоровичъ въ Уфимской губ., въ имѣніи родителей, 20-го самъ Голоушевъ въ Яранскѣ,

куда отправился съ цѣлью занять тамъ мѣсто учителя, 23-го Аронзонъ и Фоминъ и т. д.; Муравскій былъ задержанъ въ Челябѣ.

«Оренбуржцы» попали въ группы тѣхъ обвиняемыхъ по процессу «193-хъ», которые или были оправданы, или которымъ было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе. Одинъ только Муравскій, какъ рецидивистъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Кружокъ «самарцевъ» былъ основанъ въ Петербургѣ въ 1873 году студентами Львомъ Городецкимъ и Павломъ Чернышевымъ, бывшими воспитанниками самарской гимназіи. Кружокъ этотъ возникъ первоначально въ Самарѣ и ставилъ своею задачею пополненіе гимназическаго образованія путемъ чтенія, составленія рефератовъ и т. д. Городецкій былъ избранъ завѣдывающимъ дѣлами кружка. Онъ даже мечталъ объ изданіи собственной газеты, съ цѣлью проведенія въ кружкѣ своихъ взглядовъ, и даже пріобрѣлъ литографскій камень, но почему-то не осуществилъ своего намѣренія.

Послѣ переѣзда въ Петербургъ, гдѣ Чернышевъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, а Городецкій собирался поступить въ технологическій институтъ, они основали свой кружокъ, къ которому примкнули Бухъ, Никитинъ, Курдюмовъ, Поповъ и Комовъ. Кружокъ усвоилъ себѣ анархическое направленіе. Весною 1874 г. и «самарцы» двинулись «въ народъ» и, за исключеніемъ Попова и Комова, отправились въ Самарскую губернію. Комовъ работалъ на фабрикахъ Морозова въ Твери, Богородскѣ и Орѣховѣ, послѣ чего отправился на родину, во Владимірскую губернію, гдѣ и былъ арестованъ. Поповъ остался въ Петербургѣ, остальные же «самарцы» слились съ революціоннымъ кружкомъ, возник-

шимъ въ Самарѣ, исторія котораго будетъ изложена ниже.

Кромѣ перечисленныхъ выше кружковъ, въ Петербургѣ существовалъ еще «кружокъ Воронцова», основатель котораго, студентъ медико-хирургической академіи Воронцовъ, успѣлъ бѣжать за границу. Его исторія такъ и осталась не разслѣдованною. Существовалъ еще «кружокъ Троицкаго», слившійся впослѣдствіи съ «таганрогскимъ» кружкомъ. Его исторія будетъ изложена при обозрѣніи южныхъ кружковъ.

IУ.

Московскіе кружки.—Алексѣева.—П. Войноральскій.—Кружокъ «петровцевъ». — Московскія мастерскія. — И. Мышкинъ.—Его дѣтство и воспитаніе.—Карьера Мышкина.—Архангельскій кружокъ.—Знакомство съ Войноральскимъ. — Секретное отдѣленіе типографіи Мышкина.—Саратовскія мастерскія.—Обыскъ и аресты.

Москва 70-хъ гг. не отставала отъ Петербурга въ смыслѣ развитія тамъ и распространенія революціонныхъ кружковъ. Въ Первопрестольной, въ особенности среди воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, издавна существовали радикалы, подготовившіе въ извѣстной мѣрѣ почву для революціонной пропаганды. Молодежь группировалась, главнымъ образомъ, около двухъ центровъ: университета и Петровской земледѣльческой академіи. Послѣдняя издавна пользовалась репутаціей самаго оппозиціоннаго изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ ней сохранилась память о Нечаевѣ и революціонерахъ, вышедшихъ изъ числа ея воспитанниковъ. Студенты пользовались относительною свободою, общежитіе, существовавшее при академіи, укрѣпляло между ними связи, будучи мѣстомъ, гдѣ можно было свободно собираться. При случаѣ тамъ могли находить убѣжище и пріѣзжіе агитаторы.

Весною 1874 г., какъ извѣстно, часть петербургскихъ агитаторовъ, двинувшихся «въ народъ»,

сдѣлала привалъ въ Москвѣ и оставалась тамъ нѣсколько недѣль. Еще раньше Ковалика, Гриценкова, Лукашевича и прочихъ пропагандистовъ въ Москву прибыли, скрываясь отъ преслѣдованій, Кравчинскій, Клеменсъ и Шишко. Пріѣзжіе собирались въ квартирѣ жены титулярнаго совѣтника Олимпіады Григорьевны Алексѣевой, гдѣ бывало много университетской молодежи, составившей еще въ концѣ 1873 г. нѣчто въ родѣ кружка самообразованія. Подъ вліяніемъ Кравчинскаго, Клеменса и Шишко, кружокъ усвоилъ себѣ революціонное направленіе, и квартира Алексѣевой вскорѣ превратилась въ сборный пунктъ дѣятелей пропаганды.

Кружокъ Алексѣевой составляли: студенты университета Николай Алексѣевичъ Саблинъ, Исаакъ Константиновичъ Львовъ, Константинъ Васильевичъ Аркадакскій, студентъ Петровской академіи Николай Михайловичъ Аносовъ, гимназистъ Николай Александровичъ Морозовъ, студентъ Иннокентій Александровичъ Тепложниковъ, забайкальскій казакъ Николай Ивановичъ Глушковъ, нижнеудинскій купецъ Дмитрій Николаевичъ Сѣрышевъ, помѣщикъ Ярославской губерніи Александръ Иванчинъ-Писаревъ и бывшій мировой судья Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Порфирій Ивановичъ Войноральскій.

Къ послѣднему перешла главная роль въ московскихъ кружкахъ и, вообще, онъ, Коваликъ, Рогачевъ и Мышкинъ являются центральными фигурами движенія 1873 и 1874 гг. Порфирій Войноральскій—незаконный сынъ княгини Кугушевой и помѣщика Ларіонова, принявшій фамилію своего отца, прочтенную наоборотъ, съ прибавленіемъ «скій», передѣланную, впрочемъ, для благозвучія изъ Вонойральскій, въ Войноральскій.

За участіе въ студенческомъ движеніи 1861

г. онъ былъ высланъ изъ московскаго университета въ возрастѣ около 17 лѣтъ. Въ бытность свою студентомъ онъ принималъ участіе въ кружкахъ Ишутина. Въ началѣ 70-хъ годовъ ему было разрѣшено вернуться на родину, въ Городищенскій уѣздъ, гдѣ былъ избранъ мировымъ судьею, но, какъ и Коваликъ, не былъ утвержденъ въ этой должности. Публика считала Войноральскаго и Ковалика какъ бы близнецами и иногда даже перепутывала ихъ фамиліи и дѣятельность, что объясняется нѣкоторымъ сходствомъ ролей, которыя они играли въ движеніи, и ихъ одинаковымъ общественнымъ положеніемъ.

Въ сущности, Войноральскій не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному кружку. Предавшись всею душою революціонному дѣлу, онъ съ первыхъ же шаговъ встрѣтился на избранномъ пути со многими кружками, играя видную роль въ московскомъ, саратовскомъ, самарскомъ, пензенскомъ и тамбовскомъ кружкахъ, хотя формально не принадлежалъ къ составу ни одного изъ нихъ. По природѣ своего ума Войноральскій не былъ теоретикомъ. Онъ быстро усваивалъ себѣ сущность всякаго новаго ученія, но болѣе всего интересовала его практическая сторона дѣла, способы осуществленія новыхъ идей. Онъ не умѣлъ отдаваться захватившему его дѣлу на половину и, разъ вступивъ на революціонный путь, онъ отдалъ революціи всѣ свои силы и свои довольно значительныя матеріальныя средства. Его личное состояніе, доходившее до 40 тысячъ рублей, было достояніемъ революціи.

Независимо отъ кружка Алексѣевой, въ началѣ 1874 года въ Москвѣ возникъ второй кружокъ, состоявшій, по преимуществу, изъ студентовъ Петровской академіи: Михаила Федоровича Фроленко, Алексѣя Знаменскаго, Цвѣткова, Дружинина и другихъ. Они собирались въ Петровско-

Разумовскомъ, на дачѣ Ивакина, и рѣшили лѣтомъ отправиться «въ народъ», вслѣдствіе чего признали необходимымъ открыть мастерскія для подготовленія себя къ предстоящей дѣятельности. Первая мастерская, столярная, была устроена Фроленко въ его квартирѣ, въ домѣ Бѣлоусова, и въ ней работали исключительно Фроленко и Аносовъ. Въ февралѣ 1874 года Фроленко перенесъ свою мастерскую на Прѣсню, гдѣ работало въ ней уже пять человѣкъ, но въ мартѣ онъ перешелъ на новую квартиру и закрылъ ее, или, точнѣе, соединилъ съ новою мастерскою, большаго размѣра, возникшею въ Москвѣ.

Основалъ эту мастерскую Войнаральскій. Уѣзжая изъ Москвы, онъ просилъ Фроленко подъискать подходящую квартиру, что Фроленко и исполнилъ къ его пріѣзду, но найденная имъ квартира оказалась неудобною, около нея стоялъ поблизости городовой. Войнаральскій перенесъ ее въ домъ Нестерова, но недѣли черезъ двѣ пришлось оставить и это помѣщеніе, вслѣдствіе требованія дворникомъ прописки паспортовъ, и перебраться на Бутырки. Тамъ только была окончательно устроена и оборудована мастерская, состоявшая изъ двухъ отдѣленій: столярнаго и башмачнаго. Послѣднимъ завѣдывалъ сапожный подмастерье, Іоганнъ Пельконенъ. Въ мастерской работало около десятка человѣкъ. Тамъ находили пріютъ петербургскіе пропагандисты, слѣдовавшіе «въ народъ» черезъ Москву. Тамъ же, между прочимъ, провелъ Пасху 1874 г. Лукашевичъ, такъ описывающій это предпріятіе: «Войнаральскій превосходно исполнялъ роль хозяина учебной пропагандистской мастерской, въ родѣ нашихъ петербургскихъ, но съ несравненно болѣе многочисленными участниками, притомъ часто мѣняющимися. Временные гости радушно принимались, получали колодки,

шило, дратву, и весело садились точать сапоги, или даже мастерить дамскія ботинки, исполняемые подъ руководствомъ приглашеннаго Порфиріемъ Ивановичемъ, хорошо знавшаго свое дѣло петербургскаго настоящаго мастера и помогавшаго ему въ исполненіи его инструкторскихъ обязанностей, подмастерья изъ студентовъ, Соловцовскаго.

Лукашевичъ присутствовалъ также при чудесной сценѣ, когда мѣстные городовые, въ числѣ четырехъ или пяти нижнихъ чиновъ, приходили поздравлять съ праздникомъ хозяина мастерской и получали за это по полтинѣ денегъ.

Самъ Войноральскій работалъ въ мастерской мало и находился большею частью въ разъѣздахъ, ходилъ «въ народъ» съ Аитовымъ, ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Судзиловскою и пригласилъ ее продавщицей въ устраиваемую имъ лавку въ Пензѣ. Свою жену онъ помѣстилъ въ Петровско-Разумовскомъ, на дачѣ Ашиткова.

Въ апрѣлѣ въ мастерской Войноральскаго былъ арестованъ Львовъ, послѣ чего ее пришлось немедленно закрыть. Въ мастерской Войноральскаго существовалъ замѣчательный обычай. Хозяинъ, открывъ мастерскую, повѣсилъ на стѣнѣ сумку, въ которой было 700—500 рублей, откуда каждый могъ брать безотчетно, сколько бы ему понадобилось.

Послѣ закрытія мастерской Войноральскаго кружокъ Алексѣевой открылъ свою башмачную мастерскую на Спиридоновкѣ, въ домѣ Цемигъ, а затѣмъ перевелъ ее на Плющиху. Руководилъ работами тотъ же Пельконенъ, но, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, и эта мастерская была закрыта, такъ какъ московскіе агитаторы, считая себя уже достаточно подготовленными къ практической дѣятельности, стали отправляться на пропаганду. Апосовъ отправился съ Аитовымъ въ

Нижній-Новгородъ, гдѣ уже находились Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Фоминъ, другіе разбрелись по городамъ и селамъ центральной Россіи и Поволжья. Войноральскій, послѣ закрытія своей мастерской, не оставался безъ дѣла и занялся печатаніемъ въ Москвѣ запрещенныхъ революціонныхъ сочиненій. Его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ явился Мышкинъ, къ знакомству съ которымъ мы и переходимъ.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ родился въ 1848 году и былъ сыномъ николаевскаго солдата. Воспитывался онъ въ школѣ для кантонистовъ, своеобразномъ учебномъ заведеніи николаевской эпохи. Этихъ школъ было немного, но каждая изъ нихъ вмѣщала по нѣскольку тысячъ воспитанниковъ, въ возрастѣ отъ 7 до 18 лѣтъ. Воспитатели въ этихъ школахъ были солдаты, выброшенные изъ строя за негодностью, калѣчившіе тѣло и развращавшіе душу дѣтей.

Въ такой школѣ выросъ Мышкинъ. Несмотря на хроническое недоѣданіе и жестокій режимъ, онъ выжилъ и кончилъ благополучно ученіе. М. обратилъ на себя вниманіе начальства блестящими способностями и, по окончаніи курса школы, былъ отданъ въ училище военныхъ топографовъ, которое окончилъ не менѣе блестящимъ образомъ, послѣ чего поступилъ ординарцемъ къ одному изъ штабныхъ генераловъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ увлекся стенографіей и изобрѣлъ собственную систему стенографированія, которую удостоился демонстрировать передъ императоромъ Александромъ II.

Окончивъ свою службу у генерала, Мышкинъ получилъ должность правительственнаго стенографа при окружномъ судѣ. Онъ велъ отчеты земскихъ собраній въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Между прочимъ, онъ работалъ репортеромъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ 1871

году былъ командированъ Катковымъ для составленія отчета по дѣлу Успенскаго, Кузнецова и другихъ «нечаевцевъ». Вскорѣ послѣ этого онъ открылъ собственную типографію, сначала въ компаніи съ ревельскимъ гражданиномъ Вильде, а затѣмъ самостоятельно.

Типографія Мышкина помѣщалась на Арбатѣ, въ домѣ Орлова. Однажды къ нему обратилось пять интеллигентныхъ дѣвушекъ, съ просьбою принять ихъ въ наборщицы. Это были дочери коллежскаго асессора Елена и Юлія Прушакевичъ, дочь коллежскаго секретаря Ефрузина-Сушинская, дочь подполковника Лариса Заруднева и дочь подполковника Елизавета Ермолаева. Они были членами кружка, возникшаго по иниціативѣ Барви-Флеровскаго въ Архангельскѣ и организованнаго Войноральскимъ. Дѣвушки пріѣхали въ Москву изъ Архангельска и поселились въ номерахъ Кокорева, гдѣ познакомились съ проживавшимъ тамъ штабсъ-капитаномъ Фетисовымъ, его женою и студентомъ Петровской академіи Селивановымъ, а при посредствѣ послѣдняго со многими видными представителями московскихъ кружковъ.

Либеральный хозяинъ типографіи, сочувствовавшій «женскому вопросу», охотно согласился принять къ себѣ въ наборщицы пять вышеперечисленныхъ дѣвушекъ, жаждущихъ независимаго труда.

Въ свою очередь, послѣднія пришли въ восторгъ отъ живого, умнаго хозяина и сообщили о своей находкѣ Войноральскому. Въ тотъ же моментъ состоялось знакомство и оживленныя сношенія между двумя главными дѣятелями движенія 70-хъ годовъ.

Всѣ пять дѣвушекъ, Войноральскій съ женою и супруги Фетисовы поселились въ домѣ Орлова, гдѣ помѣщалась типографія Мышкина. Послѣд-

нимъ было устроено особое отдѣленіе, гдѣ работали исключительно наборщицы и куда строго воспрещался входъ постороннимъ. Работа тамъ производилась въ высшей степени осторожно. Отпечатанные листы сейчасъ же уносились куда-то, макулатурные листы уничтожались, работа шла спѣшно, работали иногда даже ночью.

Въ типографіи Мышкина, въ вышеназванномъ таинственномъ отдѣленіи, перепечатывались не болѣе и не менѣе, какъ тѣ самыя нелегальныя сочиненія, которыя доставлялись въ Россію изъ-за границы контрабанднымъ путемъ «чайковцами». Кому принадлежитъ столь смѣлая идея— точно не установлено. По одному извѣстію, инипціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ архангельскимъ пропагандисткамъ, которыя, познакомившись и сблизившись съ Мышкинымъ, не долго думая, прямо предложили ему печатать въ его типографіи тѣ «хорошія книги», которыя правительство запрещало.

Въ типографіи Мышкина были, такимъ образомъ, напечатаны: знаменитая передѣлка романа Эркманъ-Шатріана «Исторія одного крестьянина», переименованная въ «Исторію одного изъ многострадальныхъ», сочиненія Лассаля, прокламація «Чтой-то братцы», выдержки изъ «Впередъ» и штукъ 40 — 50 бланковъ для паспортовъ. Набирали книги Сушинская, Ермолаева, сестры Прушакевичъ. Фетисова и Иванова, верстали ихъ Елена Прушакевичъ и Сушинская. Сушинскій и Малиновскій принимали иногда съ машины отпечатанные листы и вертѣли колесо машины во время печатанія. Фетисовъ былъ корректоромъ при типографіи. Средства на печатаніе книгъ и брошюръ отпускались Войноральскимъ.

Когда работы по печатанію книгъ были закончены, Войноральскій и Мышкинъ не рѣшились

брошюровать ихъ въ Москвѣ. Было рѣшено произвести эту работу въ Саратовѣ, куда и отправился Войноральскій съ женою, Селивановымъ и Юліею Прушакевичъ. Ящики съ отпечатанными листами книгъ были отправлены туда по желѣзной дорогѣ. Войноральскій рѣшилъ открыть въ Саратовѣ мастерскую, въ которой, съ одной стороны, должна была производиться брошюровка книгъ, съ другой, должны были находить пріютъ лица, ушедшія въ народъ. Для подысканія подходящей квартиры были отправлены Кулябко и Пельконенъ, которые до пріѣзда Войноральскаго оборудовали все. На Царицинской улицѣ, въ домѣ Превращухиной, былъ нанятъ домъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ, кухни и мезонина. Со станціи желѣзной дороги были получены листы книгъ, прибывшіе въ Москву подъ видомъ сельтерской воды и лимонада. Юлія и Елена Прушакевичъ занялись фальсованіемъ книгъ.

Устроивъ все, Войноральскій отправился въ Самарскую губернію, а жену свою послалъ въ Тамбовъ, но его мастерская просуществовала недолго. Странное поведеніе и таинственность, которою себя окружили ея обитатели, обратили на себя вниманіе, и 31 мая 1874 г., всего черезъ двѣ недѣли послѣ открытія, въ мастерской былъ произведенъ обыскъ, и всѣ лица, захваченныя тамъ, были арестованы.

При обыскѣ были обнаружены: пара ботинокъ, единственное издѣліе мастерской, два экземпляра «Государственности и Анархіи», два экземпляра «Историческаго развитія Интернаціонала», нѣсколько путеводителей и картъ, шифръ, письма, фальшивые паспорта и покрытый шубою деревянный ящикъ, наполненный печатными листами.

Обыскъ не былъ произведенъ съ надлежащею тщательностью и, спустя нѣсколько дней, былъ

произведенъ второй, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней и третій обыскъ. На этотъ разъ на чердакѣ дома былъ найденъ засыпанный землею портфель Войноральскаго, въ которомъ оказалось 28 подложныхъ видовъ на жительство, разныя письма и документы. На томъ же чердакѣ въ темномъ углу былъ найденъ саквояжъ, въ которомъ оказалось: 32 экземпляра «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ», 26 экземпляровъ «Сказки о четырехъ братьяхъ» и т. д. За обшивкою дома, подъ карнизомъ, было найдено нѣсколько пачекъ «Исторіи одного французскаго крестьянина», а въ трубѣ и печкѣ большое количество отдѣльныхъ листовъ этой же книги.

V.

Разгромъ предпріятій Войнаральскаго. — Войнаральскій въ Самарѣ и Пензѣ.—Каменскій и Эндауровъ.—Разгромъ типографіи Мышкина. — Послѣднія приключенія Войнаральскаго.—Его арестъ.—Мышкинъ въ Женевѣ. — Попытка освободить Чернышевскаго. — Арестъ Мышкина.

31-го мая въ мастерской Войнаральскаго, извѣстной подъ названіемъ мастерской Пальконена, былъ арестованъ цѣлый рядъ московскихъ и петербургскихъ пропагандистовъ. Только Ковэликъ и Рогачевъ, бывшіе въ притонѣ, успѣли скрыться. Были арестованы: Клеопатра и Иванъ Блавдзевичи, сестры Прушакевичъ, Ламени-Македонъ, Пальконенъ и друг. Когда въ мастерской производился обыскъ, въ Саратовъ возвратилась какъ разъ изъ поѣздки въ Тамбовъ Войнаральская. Увидѣвъ около своей квартиры полицію, она поняла, въ чемъ дѣло, и приказала извозчику вести ее въ гостиницу. Вечеромъ ее навѣстилъ Рогачевъ, сообщилъ ей о случившемся и предложилъ проводить ее въ Самару, гдѣ, по его предположеніямъ, долженъ былъ находиться Войнаральскій. Впрочемъ, на слѣдующее утро онъ измѣнилъ планъ и послалъ вмѣсто себя въ Самару Фаресова. Въ тотъ же день Фаресовъ и Войнаральскій были задержаны въ Саратовѣ на пароходной пристани.

Незадолго до разгрома саратовской мастерской Войноральскій съ Селивановымъ находились въ Самарѣ, гдѣ предполагали устроить второй притонъ и производить тамъ брошюровку Мышкинскихъ изданій. Предполагалось поселить въ мастерской Иванову и Сушинскую, которыя должны были заняться брошюровкою, но осуществить плана такъ и не удалось, такъ какъ Сушинская была арестована. Тогда Войноральскій съ Селивановымъ отправились въ Саратовъ, пройдя пѣшкомъ Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды, гдѣ, между прочимъ, заарендовали у крестьянина Осокина постоялый дворъ, собираясь устроить тамъ притонъ для странствующихъ пропагандистовъ. Они пришли въ Саратовъ, не зная ничего о случившемся, и направились прямо въ мастерскую. Замѣтивъ, однако, издали, что она закрыта, предчувствуя что-то недоброе, они зашли въ ближайшій трактиръ. Тамъ вся публика только и говорила, что про арестъ обитателей мастерской.

Понявъ, что все открыто, Войноральскій и Селивановъ оставили сейчасъ же Саратовъ и отправились въ Пензу, гдѣ Войноральскій хотѣлъ распорядиться своимъ имуществомъ на случай ареста. Тамъ у него было много друзей и единомышленниковъ, какъ Эдуардъ Каменскій, занимавшійся распространеніемъ нелегальныхъ книгъ, присылаемыхъ ему Войноральскимъ, какъ Судзиловская, завѣдывавшая лавочкой, купленной имъ въ с. Степановкѣ. Вообще, въ Пензѣ существовалъ довольно многочисленный кружокъ революціонной молодежи, созданный стараніями Войноральскаго и Рогачева и поддерживавшій сношенія съ пропагандистами.

Войноральскій и Селивановъ прибыли въ Пензу 7 іюня, но бывшій мировой судья не рѣшился ѣхать въ городъ, остановился у моста и по-

слалъ Селиванова къ нѣкоей Цибитовой, которая устроила послѣднему свиданіе съ Каменскимъ. Каменскій пригласилъ странниковъ въ свою квартиру, гдѣ Войноральскій приступилъ къ болѣе всего занимавшему его теперь дѣлу. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало спасти остатки своего состоянія для революціонныхъ цѣлей. Каменскимъ была пріобрѣтена вексельная бумага, и Войноральскій выдалъ вексель на его имя на 20 тыс. руб. Селивановъ тоже написалъ вексель на имя Каменскаго на 6 тыс. руб. Послѣ этого Каменскій отправился съ письмомъ къ Войноральскаго въ городище, къ тамошнему мировому судьѣ Эндаурову, и привезъ его въ Пензу. Эндауровъ записалъ заднимъ числомъ въ нотаріальную книгу и засвидѣтельствовалъ оба вышеупомянутыхъ векселя. Кромѣ того, онъ далъ ему свою подорожную.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія, Войноральскій, взявъ у одного изъ друзей синіе очки и форменную фуражку, отправился съ Селивановымъ въ Москву. Здѣсь они не нашли почти никого изъ друзей, такъ какъ уже почти всѣ къ этому времени были переарестованы.

Послѣ ухода въ народъ пропагандистовъ, работы въ типографіи Мышкина продолжались съ прежней энергіей. Отпечатанные листы посылались подъ видомъ какого-нибудь товара въ Пензу или Саратовъ. Вдругъ на имя Ивановой была получена телеграмма отъ сестры Прушакевичъ слѣдующаго содержанія: «потрудитесь передать Будикову, чтобы онъ приготовился къ принятію нашихъ давно ожидаемыхъ знакомыхъ, которые посѣтили только-что насъ въ Саратовѣ и, вѣроятно, посѣтятъ васъ вскорѣ».

Мышкинъ, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло, и отправилъ по николаевской желѣзной дорогѣ ящикъ съ отпечатанными листами, самъ уѣхавъ

въ Рязань. Черезъ день была получена телеграмма отъ Рогачева, извѣщавшая, что «вексель поданъ ко взысканію», но, несмотря на всѣ предупрежденія, когда 6 іюня въ типографію явилась съ обыскомъ полиція, она захватила и экземпляры печатавшихся тамъ книгъ и даже рукопись «Исторіи одного крестьянина». Всѣ наборщицы и наборщики секретнаго отдѣленія были, конечно, арестованы.

Къ этому времени въ Москву пріѣхали, съ одной стороны Мышкинъ, возвратившійся изъ Ряной стороны, Мышкинъ, возвратившійся изъ Рязани, съ другой стороны Войноральскій и Селивановъ изъ Пензы и Рогачевъ изъ Тамбова. Мышкинъ доѣхалъ по желѣзной дорогѣ только до Коломны, откуда отправился въ Москву на лошадяхъ. Онъ видѣлся съ Войноральскимъ и прочими товарищами въ Маріинской рощѣ, послѣ чего они разъѣхались въ разныя стороны: Мышкинъ уѣхалъ за границу, Войноральскій въ Саратовъ, Селивановъ къ своему другу Виноградову въ м. Смѣлу, Кіевской губерніи, гдѣ 13 августа и былъ задержанъ, Войноральскій поѣхалъ сначала въ Саратовъ, затѣмъ побывалъ нѣсколько разъ въ Пензѣ, Самарѣ, Москвѣ, Тамбовѣ, занимаясь возстановленіемъ разрушенныхъ погромомъ кружковъ, устраивая притоны, пропагандируя въ Корсунскомъ, Сызранскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ.

Въ концѣ іюля онъ былъ арестованъ сельскими властями села Васильевки въ квартирѣ народнаго учителя Канаева, воспользовавшись отсутствіемъ котораго, собралъ крестьянъ въ его домѣ и говорилъ имъ рѣчь на тему, что начальство и господъ слѣдуетъ перевѣшать, что крестьяне не должны платить податей, что солдатъ бояться нечего, такъ какъ у каждаго крестьянина есть родственники, и потому солдаты на крестьянъ не пойдутъ и т. д.

Слухъ про рѣчи неизвѣстнаго прохожаго дошелъ до сельскаго старосты, который явился въ квартиру Канаева и потребовалъ у Войноральскаго и сопровождавшей его Юргенсонъ паспорты. Юргенсонъ представила свой видъ, который староста снесъ къ мѣстному священнику, но у Войноральскаго не оказалось паспорта. Тогда староста поставилъ къ дому Канаева караулъ. Находясь подъ арестомъ, Войноральскій написалъ слѣдующую шифрованную записку, попавшую со-временемъ въ руки жандармовъ:

«Деревня Грязнуха, Ставропольскаго уѣзда. Сейчасъ меня арестовали. Убѣдительно прошу Каменскаго и другихъ всѣ мои деньги употребить на народное дѣло и выдать тому, кто предъявитъ этотъ шифръ. Это мое послѣднее завѣщаніе. Работайте же энергичнѣе по нашему дѣлу. Другъ Порфирій, 21 іюля 1874 г.».

Приставленные къ дому Канаева караульные, видя утромъ, что ихъ не смѣняютъ, преспокойно разошлись; тѣмъ воспользовались арестованные и бѣжали, но только затѣмъ, чтобы попасть въ руки полиціи въ Саратовѣ. При обыскѣ у Войноральскаго были отобраны двѣ карты Самарской губерніи и нѣсколько шифрованныхъ записокъ.

Мышкинъ, послѣ ареста В., бѣжалъ за границу и очутился въ Женевѣ, гдѣ его видѣлъ Дебогорій-Мокріевичъ. По свидѣтельству послѣдняго М. производилъ впечатлѣніе человѣка весьма энергичнаго и живого. Всѣ его движенія были быстры, онъ скоро говорилъ. Основною чертою его характера была прямота. Казалось, онъ совершенно не былъ способенъ скрывать свои чувства.

Мышкинъ пробылъ за границей менѣе года и, возвратившись въ Россію, совершилъ свое знаменитое покушеніе на похищеніе Чернышевскаго.

Оффиціальная исторія этого происшествія гласитъ слѣдующее:

«12 іюля 1875 г. къ и. д. вилюйскаго окружнаго исправника сотнику Жиркову явилась личность въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвалась поручикомъ корпуса жандармовъ Мещериновымъ и предъявила Жиркову телеграмму генералъ-губернатора Восточной Сибири иркутскому жандармскому управленію объ оказаніи вилюйскимъ исправникомъ содѣйствія поручику Мещеринову при переводѣ государственнаго преступника Чернышевскаго изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ, сообщеніе иркутскаго жандармскаго управленія на имя вилюйскаго исправника также объ оказаніи содѣйствія Мещеринову и предписаніе того же управленія на имя унтеръ-офицера корпуса жандармовъ Фомина такого же содержанія. На основаніи поименованныхъ документовъ, назвавшійся поручикомъ Мещериновымъ хотѣлъ произвести обыскъ у Чернышевскаго и увести послѣдняго въ Благовѣщенскъ, но не былъ къ этому допущенъ Жирковымъ, усомнившимся, какъ въ личности Мещеринова, такъ и въ дѣйствительности возложеннаго будто бы на него порученія, а когда затѣмъ Мещериновъ изъявилъ желаніе отправиться въ Якутскъ, то Жирковъ приказалъ двумъ казакамъ, Семену Бубякину и Михаилу Марминцеву, конвоировать Мещеринова до Якутска».

Вопросъ о томъ, почему и. д. исправника усумнился въ подлинности жандармскаго офицера, имѣетъ свою литературу. По одной версіи, Мышкинъ надѣлъ эксельбантъ не на то плечо, на которомъ полагается его носить жандармамъ, по другой—ѣхалъ въ Велюйскъ безъ казаковъ, на что обратилъ вниманіе исправникъ сосѣдняго уѣзда и сообщилъ объ этомъ Жиркову.

На 8 верстѣ отъ Вилюйска къ Мышкину и его

провожатымъ присоединился мѣщанинъ Егоръ Чудановъ, также ѣхавшій въ Якутскъ. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, Мышкинъ остановилъ коня и выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ Бубякина, ѣхавшаго впереди всѣхъ, и ранилъ его серьезно въ бедро, послѣ чего, обернувшись, выстрѣлилъ въ Чуданова, у котораго пуля просвистѣла мимо лѣваго уха, и въ Марминцева, послѣ чего бросился въ лѣсъ, въ которомъ и скрылся.

Спустя нѣсколько дней Мышкинъ былъ задержанъ якутомъ. При обыскѣ у него были отобраны хлороформъ и уксусно-кислый морфій. На допросѣ онъ назвался сыномъ священника Титовымъ, воспитывавшимся въ Вологодской семинаріи, но когда по наведеннымъ справкамъ оказалось, что такого семинариста не существовало, то онъ открылъ свою фамилію и сознался, что хотѣлъ освободить Чернышевскаго.

Мышкинъ и Войноральскій—главные обвиняемые по дѣлу «193-хъ», въ виду чего намъ придется еще возвратиться къ нимъ при обозрѣніи этого процесса.

ИСТОЧНИКИ.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій).—«Процессъ 193-хъ».

В. В. Каллашъ.—«Рѣчи и біографіи». Москва, 1907.

Д. Геррисъ. — «Піонеры русской революціи». Петербургъ, 1906.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. — «Воспоминанія». Петербургъ, 1906.

Кн. П. Кропоткинъ.—«Записки революціонера».

М. О. Лукашевичъ.—«Въ народъ!» «Былое», 1907, № 3.

Старикъ.—«Движеніе 70-хъ гг. по большому процессу». «Былое», 1906, №№ 10—12.

С. Синегубъ.—«Воспоминанія «чайковца». «Былое», 1906, №№ 9 и 10.

